

Искорка

*Скульптурная группа «Октябрь».
работы Р. К. Таурит, В. В. Исаевой.*

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Год издания X

К борьбе за дело Коммунистической партии будь готов!

№ 11

Ноябрь 1966 г.

Е Ж Е М Е С Я Ч Н И К
газеты «Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Ленинградского Совета пионерской
организации имени В. И. Ленина

Сергей Макаров

Рис. А. Косенко

БУДЁНОВЕЦ

Не думая о смерти —
Она бывает раз! —
Промчался конник смелый
Сквозь ветер-травотряс.

Июльский луг некошен,
И конь храпмя храпит,
А сабля — выдох ножен —
Над головой навскид!

Простите, мама, сыну —
Не мог иначе он! —
Под заревою синью
Порублен эскадрон.

И на восходе солнца,
Под перепляс подков,
Ваш сын один несётся
На белоказаков!

Но вдруг над вашим сыном,
Над милым, над сынком,
Сошёлся свет не клином
Сошёлся свет клинком!

Упал, теряя силу,
Под злобный вражий смех...
Простите, мама, сыну —
Он мстил один за всех!

* **Р**ОВНО год остаётся до того дня, когда вся наша страна будет торжественно отмечать своё пятидесятилетие. Огромный путь прошла она за минувшие годы. Постепенно забываются трудные времена голода, разрухи, тяжёлых боёв. Но в сердцах людей вечно живут герои, отдавшие свои жизни за счастье Родины, первые солдаты Октября, бойцы фронтов гражданской войны.

Навеки вписаны в историю незабываемые страницы штурма Зимнего дворца. В цепях атакующих этот последний оплот капитализма в России шёл на штурм и член Военно-революционного комитета Григорий Исакович Чудновский.

В нашем городе живёт сейчас и работает доктор исторических наук Эсфирь Абрамовна Корольчук. В далёкие предреволюционные годы познакомилась она с Г. И. Чудновским, на её глазах протекала революционная деятельность верного ленинца.

Поэтому мы и попросили З. А. Корольчук рассказать на страницах «Искорки» о своём другом коммунисте.

*

Э. Корольчук

Рисунки В. Адаева

КОМЕНДАНТ ЗИМНЕГО

НАД бульварами Екатеринослава, над широким Днепром плывёт одуряющий запах акаций. Весна в 1907 году выдалась светлая, радостная. А на Екатерининском проспекте kloчут митинги, собрания. Здесь — «биржа»: места явок партийных организаций. Ещё не схлынула волна революции 1905 года, вот и шумит «биржа». На одном конце бульвара митингуют эсеры, на дру-

гом — эсдеки (социал-демократы).

Часто мелькает здесь фигура высокого юноши. Тёмная шевелюра у него такая, что с другой не спутаешь. Когда говорит или спорит — руками

размахивает, рубит ладонью воздух. Он пока только в социал-демократической организации учащихся, но знают Гришу Чудновского и на Брянском заводе и в рабочем районе Чечелевке. А уж нам-то, гимназистам, он знаком всем.

Весной 1908 года я сдавала экзамены на аттестат зрелости. И очень обрадовалась, увидев рядом со своим столом в зале гимназии столик Чудновского.

Экзамены он сдавал блистательно, на одни пятёрки. Я тоже старалась не отставать. И часто после экзамена мы отправлялись в тенистый Потёмкинский парк, катались на лодке и говорили, говорили, спорили...

Одно катание на лодке мне запомнилось больше других. Только выплыли мы на середину реки — разразилась гроза, поднялся ветер. Нашу узкую, лёгкую лодку подхватило сильным течением и понесло к «бычку» — водовороту, каких немало на Днепре. Если попадёшь в такой «бычок» — спасения нет.

Плавать я не умела и не знала, умел ли плавать Гриша.

И вдруг, когда нашу лодку уже начало заглатывать в струю, крутившуюся вокруг «бычка», Гриша бросил вёсла, встал во весь рост и запел:

Славное море, священный

Байкал,

Славный корабль —

омулёвая бочка!..

Я подхватила песню, а лодка наша, казалось, неслась прямо к гибели. Но в самый страшный момент Гриша сильным рывком круто повернул её, и мы вылетели из вертящейся струи «бычка».

...Передо мной лежит сейчас Гришина фотография той поры. На обороте надпись: «На память о весенних днях и вечерах 1908 года». Мы очень подружились в ту весну.

Гриша любил цветы. Он опустошал для меня садик своих родителей. А три года спустя я несла ему розы.

Было это уже в Петербурге, туманным осенним днём 25 октября 1911 года.

С тревогой в душе шла я по Литейному проспекту. Вот и невысокое жёлтое здание Санкт - Петербургской судебной палаты. Здесь царский суд готовил расправу над девятью революционерами, членами Петербургского комитета РСДРП. Среди арестованных на скамью подсудимых попал и Григорий Чудновский.

Зал переполнен. Кроме обычного конвоя, подсудимых окружает ещё, усиленный отряд вооружённых жандармов. Сбоку сидят судьи и защитники. Какое злое, сухое лицо у председателя суда Крашениникова! Недаром известен он своими жестокими приговорами!

Среди защитников суетится бритый, с заученными, рассчитанными на публику актерскими жестами адвокат Керен-

ский. Он будет «защищать» Чудновского.

Причудливо переплетаются иной раз человеческие судьбы! Прошло несколько лет, и подзащитный Керенского, комиссар Петроградского Военно-революционного комитета Григорий Чудновский, арестовал всех министров Керенского, а сам министр — председатель Временного правительства еле успел удрать от суда народа.

Я сажусь впереди. Григорий нашёл меня глазами, улыбнулся. Он мало изменил-

ся за те годы, что я не видела его. И сейчас он — самый молодой из подсудимых. Но что царскому суду до того, что революционер даже ещё и несовершеннолетний! Приговор жесток: четыре человека, в том числе и самый младший, Чудновский, приговорены к вечной ссылке в Восточную Сибирь.

Впрочем, о приговоре я узнала позже. На суде его не удалось зачитать. Когда секретарь начал оглашать приговор, произошёл случай, невероятный в практике царского суда.

Внезапно встал Чудновский:

— Мы отказываемся выслушивать приговор, пока из зала не будут выведены воору-

жённые жандармы! — прозвучало в насторожённой тишине.

Председатель суда Крашенинников был так изумлён, что даже переспросил:

— Вы не хотите выслушать приговор?

— Да! — повторил Чудновский. — В присутствии жандармов мы его слушать не будем.

Чтение приговора было прервано. Взбешённый председатель суда вызвал ещё отряд жандармов. С обнажёнными шашками встали они между нами и подсудимыми.

— Немедленно очистить зал! — кричал Крашенинников. — Увести подсудимых!

Мы все бросились к барьеру, отделявшему нас от прохода, по которому вели осуждённых. Я протиснулась вперёд и протянула Грише цветы. И тут жандарм ударил меня шашкой по руке. Розы посыпались на пол, и по ним зашагали кованые сапоги.

Я взглянула на Гришу и похолодела. Мне показалось, что он сейчас бросится на жандарма. А это означало расстрел.

Но Григорий овладел собой. Он только выше поднял голову и взглянул мне в глаза. Я прочла в них не только гнев и возмущение, но и решимость: «Я вернусь!»

ОСЕННИМ вечером 1913 года в моей квартире раздался звонок. Выхожу в переднюю.

В дверях стоит, переминаясь с ноги на ногу, высокий

бородатый крестьянин в зипуне. За плечами — котомка, в руках — толстая палка.

— Вы ко мне?

И тут бородач улыбнулся.

— Гриша! Удрал? Из «вечной»? Да как же ты?

Уже потом узнала я все подробности этого труднейшего побега. Впрочем, их было даже два.

Мысль о побеге не оставляла Чудновского с того дня, как он узнал о приговоре. Но в этапе он заболел, и прошёл почти год, пока он оправился и смог осуществить задуманное.

Первая попытка не удалась. Поймали. Взбешённый енисейский губернатор посадил Чудновского в тюрьму, а потом заслал в самый гиблый северный округ губернии — в Туруханский край. Бежать оттуда было почти невыносимо: тысячи вёрст без дорог до ближайшего города Енисейска.

А Чудновский всё-таки бежал. Сначала на пароходике, переодетый крестьянином. Потом, не доехав до города 90 вёрст, вышел и около месяца прожил в деревне Пятницы. Потом отсиживался в Енисейске: пережидал, пока поутихнут поиски беглеца.

Побегу помогла и хитрость. Пока он скрывался в Пятницах да пробирался из Сибири на запад, полиция усердно искала его в... Донбассе. Направление этих розысков подсказал полицейским ищейкам сам Чудновский: послал он одному своему родственнику в

Донбасс письмо, а в конверт вложил открыточку. Кому? Одной знакомой ссыльной. Полетела открыточка из Донбасса в Сибирь. От кого? От Чудновского. «Так вот он где!» — обрадовались полицейские и дали знать, чтобы беглеца искали в Донбассе.

Но в Петербурге оставаться Грише было опасно. Питерские шпики хорошо знали приметы «Лохматого», «Длинного», «Худого». Так они сами называли Чудновского.

Необходимо было устроить ему безопасное убежище, изменить внешность и переправить за границу. При наших скудных студенческих ресурсах это была нелёгкая задача... Но мы с ней справились,

...Эlegantный юный франт подъезжает на извозчике к Финляндскому вокзалу. Жан-дарм... Как бы не заподозрил чего!.. Но нет, всё благополучно. Григорий идёт прямо к нему, спрашивает о чём-то и спокойно садится в вагон первого класса.

А через два дня мне из Стокгольма приходит открытка: «Привет!» Теперь всё в порядке, — Чудновский за пределами досягаемости царской полиции.

У РУССКИХ революционеров - большевиков была хорошая «привычка»: куда бы их ни ссылали, куда бы ни забрасывала их эмиграция, — они всегда возвращались.

Светлым майским днём 1917 года вернулся и Чудновский. Снова вырос он на поро-

ге моей квартиры, широко раскинул руки, готовый, казалось, обнять не только друзей, но и всю всколыхнувшуюся, революционную Россию.

— Понимаешь, чуть в Канаде не застрял! Из Америки уехали спокойно, — рассказывал Гриша. — Сен-Катаяма приветствие нашим коммунистам передал. А в Галифаксе англичане вдруг решили арестовать нас. Приказывают пароход покинуть — мы ни с места. Тогда нас на руках по трапу на берег вынесли. Целый месяц держали. Обидно: тут такие события!

События действительно нарастали с каждым днём. Петроград кипел митингами, собраниями. Большевики, эсеры, анархисты — все пытались оторвать массы рабочих от большевиков. Приходилось бороться. Григорий приходил домой охрипший, с сорванным голосом. А наутро — снова в борьбу. На митинги в солдатские казармы, к морякам Кронштадта, на заводы...

Однажды на собрании Александрово-Невской районной думы он держал бой с эсерами и меньшевиками-оборонцами. С гневом говорил он о Временном правительстве, которое гнало в наступление на фронте сотни тысяч измученных войной солдат. Один из оборонцев закричал:

— Вы — трус! Большевики виноваты в развале фронта! Они только в тылу кричать мастера. Труссы! Дезертиры!

Чудновский, возмущённый клеветой и обвинениями про-

тив большевиков, решил отправиться добровольцем на фронт.

В ночь перед отъездом он постучался ко мне и прочёл письмо, которое написал в «Правду»: «Мы — революционеры. Мы не дрожим за свою жизнь. Без слова и жеста мы отдадим её в рядах революционного народа... Не как ветошь, которой не жалко, но как драгоценное достояние человека сложим мы жизни на алтарь революции... Ибо мы — солдаты пролетарской революции».

Это «Письмо уходящего на фронт» было напечатано в «Правде» 25 июня 1917 года. И Чудновский исполнил всё, что обещал, что считал заповедью революционера-большевика.

Вскоре рядовой Преображенского полка Чудновский стал любимцем солдат. Его выбирают в полковой солдатский комитет, потом в дивизионный и, наконец, председателем Комитета I гвардейского корпуса. И только одно условие ставил он тем, кто его выбирал: когда полк идёт в бой,

быть в строю, в цепи атакующих.

В октябре 1917 года Чудновский приезжает в Петроград делегатом Юго-западного фронта на II Всероссийский съезд Советов.

СОБЫТИЯ развиваются стремительно. И Григорий — в самом их центре.

Он — член Военно-революционного комитета — разрабатывает план вооружённого восстания. Ленин создаёт тройку, которой поручено взять Зимний дворец и арестовать Временное правительство: Подвойский, Антонов-Овсеенко, Чудновский.

...Дворцовую площадь замкнули цепи революционных матросов, солдат, красногвардейцев. В Зимний послан ультиматум с требованием сдать-ся. Ответа нет. Атаковать или предложить сдаться ещё раз? Может быть, одумаются? Но кто пойдёт в стан врага? Опасно. Даже очень.

С последним ультиматумом министрам Керенского идёт Чудновский... И хотя он парламентар, а парламентары не-

прикосновенны, Чудновского арестовывают. Министр Пальчинский размахивает перед ним револьвером. Да и что стоит любому юнкеру из охраны дворца спустить курок? Железная выдержка Чудновского озадачивает защитников Зимнего. Они прислушиваются к его словам. Потом требуют освободить парламентаря. И наконец вслед за ним из дворца уходят свыше тысячи юнкеров и казаки.

И снова тихо на площади. Ветер задувает пламя костров. Последние минуты перед штурмом. И вот сигнал — над площадью проносится гул выстрела с «Авроры»!

...Около четырёх часов ночи у меня вдруг зазвонил телефон. Снимаю трубку, слышу Григория:

— Зимний наш. Временное правительство арестовано. Я назначен комендантом дворца. Звони мне по телефону... — Он называет какой-то необычно маленький номер. — Пони-маешь, все телефоны отклю-чены. Это единственный. Его, очевидно, просто позабыли. Давно никто не пользовался.

Куда торопится река

На холме —
лесок высокий.
Под холмом —
кусты осоки.
Под осокою —
родник.
К роднику —
ручей приник.
Пьёт и пьёт —
да не напьётся.
В тишине
беседа льётся:
— Кто я? Чей?
— Ты мой ручей.
Из моих
Течёшь ключей.
— А кругом что?
— Белый свет.
— Белый свет?
Большой он?
— Нет, —
мы с тобою
да лесок,
да осока,
да песок.
Непоседа-ручечк
побежал играть
в песок.
Покопался,
порезвился,
огляделся —
удивился:
кто-то ходит
за осокой,
как тростиночка,
высокий.
— Ты откуда?
Как зовут?
Почему гуляешь тут?
— Я журавль.
Летал по свету —
посмотрел на белый свет.
— А велик он?
— Края нету!
— А красив он?
— Краше нет!
К морю синему лети —
всё увидишь по пути!

Ручеёк летит-поёт,
струйки
плёточкой плетёт.
Дождика напился —
речкою разлился.

* * *

Речка мчится,
речка мчится,
речке
хочется учиться.
На лугу —
крючок к крючочку —
пишет
синенькую строчку.
Поразмыла краешки —
покатила камешки:
раз, два, три,
четыре, пять —
речка учится считать.

По камням,
как с лесенки,
прыгает
под песенки:
— Я лечу, лечу,
лечу —
всё на свете
знать хочу!

* * *

Даль зовёт.
Река летит.
Лес
листвою шелестит.
А в лесу:
— Ку-ку!
Ку-ку!
Жду ре-ку,
ре-ку,
ре-ку! —
И река
с лесной опушки
потекла
на зов кукушки.
Лес высок.
Деревьям тесно.
Но зато как интересно!
На ветвях
свистят чижи.

В ежевике
спят ежи.
Белкины детишки
в них бросают шишки.
Двое бурых медвежат
под малиною лежат,
а малиновки поют
и росу с малиной пьют.
А вдали:
— Ку-ку
Ку-ку!
Заманила я реку! —
Пригляделась речка —
замерло сердечко:
волки бродят,
совы спят,
сосны старые скрипят.
Мрачно.
Глухо.
Непроглядно.
Повернула бы обратно,
но запуталась в корнях
растопыренных коряг.

Все довольные сидят —
полумесяцы едят.
Элеваторы вдали
с башнями до неба,
как большие корабли
в океане хлеба.
А комбайны — океан
косят,

косят,

косят.

А машины — океан
возят,

возят,

возят.

В элеваторный стакан
выливают океан.

Ну и степь!

Краса и сила!

Да, не зря

водой поила!

— Помогите, люди!
Задыхаюсь! Засыхаю!
Напоите, люди! —
Люди к речке:
— Дай воды
Ждут посевы!
Ждут сады!.. —
Поделиться речка рада:
— Забирайте, сколько
надо! —

Поползли к реке
машины,
машут шеями

большими,

землю в рот —

и в самосвал!

Прямо в степь ведут
канал.

Речка — доброе сердечко:

Отдала водицу речка,

и теперь летит-глядит,

что за степь

и что родит.

Вот фруктовые сады

напились речной воды.

Людям отдали плодов

больше тысячи пудов.

А бахча — арбузный

сад —

угощает октябрат.

* * *

На листьях
лягушки
квакают друг дружке.
А ольха им шелестит:
— Не шумите!
Речка спит!

* * *

Землю солнышко
печёт.
По степи река течёт.
Как больная,
степь вздыхает:

И пришла издалека
к морю синему
река.
Вот она —
морская гладь:
с края
края не видать!

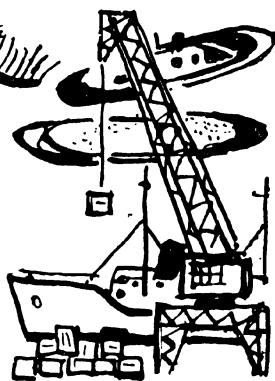
Грузовые теплоходы —
как плавучие заводы.
Пассажирские суда —
как большие города.
Стаи чаек;
стаи рыбы;
кашалоты —
словно глыбы;
и громадной высоты
полосатые киты,

Гоним тучи!
Гоним тучи
к родникам твоим,
река, —
чтоб ты вдоволь
напилась —
и всё ширилась,
чтоб ты, сколько
ни лилась, —
вся не вылилась. —
Речка мчится,
веселится:
— Это счастье —
вечно литься,
и трудиться,

А вихрастые ветра
в небе трудятся
с утра.
И, работая,
поют.
— Эй, ветра,
зачем вы тут?
— Мы над морем
пар летучий
собираем в облака,

и дружить,
и друзьями
дорожить! —
Засверкала вся,
и вскоре
заплескалась
в синем море.
Породнились на века
ширь морская
и река.
Обнялись
и крепко дружат.
Человеку
верно служат.

— ЛУКЬЯНОВНА к вам. Сама!..

Зоя Сергеевна вздрогнула, испуганно шагнула к зеркалу, поправила причёску. Теперь, кажется, солиднее. Трубка пускай на столе лежит. И аппарат для кровяного давления. Три месяца в селе, а знахарки не видела.

— Можно?

Зоя Сергеевна повернулась и напряжённо следила, как открывается дверь.

— Огнём нога горит, — пожаловалась старуха, проходя к топчану. Голос у Лукьяновны был мягкий, ласковый, и Зоя Сергеевна при всем недоверии к ней не могла уловить какой-либо злобности.

Ей даже показалось невероятным, что она опасалась знахарки — наговорят разного: село в руках держит! — а в действительности сидит перед

Семён Ласкин

ЧУДО

Р А С С К А З

ней существо, которое и старухой-то назвать неудобно, просто бабушка.

— Ступить не даёт, — наконец сказала Лукьяновна, сняв шерстяной чулок и вытягивая ногу.

— Так это же мозоль.

— Ага, — согласилась Лукьяновна. — Я тоже так думала. А всё одно — хуже раны. Может, лекарства какого?..

— Зачем лекарства? Попарьте, и достаточно.

— Значит, и у вас так.

Она вздохнула, подобрала ногу и стала одеваться.

— Спасибо тебе, успокоила, — сказала старуха. — А то ведь люди такого наговорят... Будто бы Василискину дочку поднять обещала... Я-то думаю: молодая, горячая, вот с горячки и порет.

«Так вот зачем пришла... От Алёнки отступиться. Сама безнадёжной её объявила, а боится... Тоже авторитетом дорожит...»

— Почему же с горячки? — сказала Зоя Сергеевна. — Девочку не одна я смотрела, из области приезжали.

— Может, ты святая какая, чтобы параличных ходить за-

ставлять? — сказала Лукьяновна.

— Нет, не святая.

— А тогда зря огород городишь. Вся деревня смеяться будет. Вот мозоль — это по твоей части, а чудеса — божье дело. Помучаешь девку и отступишься. Поиграешь и бросишь. А люди не забывают такого.

ЗОЯ Сергеевна не спеша спустилась с больничного крыльца.

Была поздняя осень. Листья на деревьях почти облетели.

Приземистые домики деревни тянулись справа и слева, и лишь в одном месте, словно командир, выступал грудастый каменный дом с красным флагом. Не так давно жил в этом доме мельник, богатый мужик, но, как только начали раскулачивать, сбежал из деревни. Никто из-за этого не загоревал, а дом разделили поровну: верх — сельсовету, а низ — школе для взрослых, «ликбезу».

Встречные здоровались с Зоей Сергеевной почтительно, но холодно. Это становилось привычным. Гавриил Гаврилович как-то предупредил: «Наши-то знахарку предпочитают. Трудно будет работать».

...Домой Зоя Сергеевна пришла расстроенная. Смахнула со стола пыль, взяла листок бумаги. Надо бы матери письмо написать, повеселее придумать, а вышло...

«Иногда, мам, я здесь отчаиваюсь. Думаю, зря приехала. Пока большого доверия ко

мне нет. Для этого мне по своему делу, по медицине, удача нужна. А удача эта в Алёнкиной болезни. Пока ничего не выходит, хоть волком вой. Знаю, не повреждены у девчонки нервы, телега только наехала на ноги, знаю — это испуг, истерический паралич. Нужна вера в свои силы, а вот откуда ей этой веры достать — ума не приложу. Может, ты выйдешь? А вообще-то не до шуток. Знахарка здесь времени не теряет. Бубнит своё: «Смирись! Кара божья...» И мать Алёнкина Василиса на знахаркиной стороне...»

Зажала руками виски, застонала. Хозяйка перестала вальком стучать, услышала.

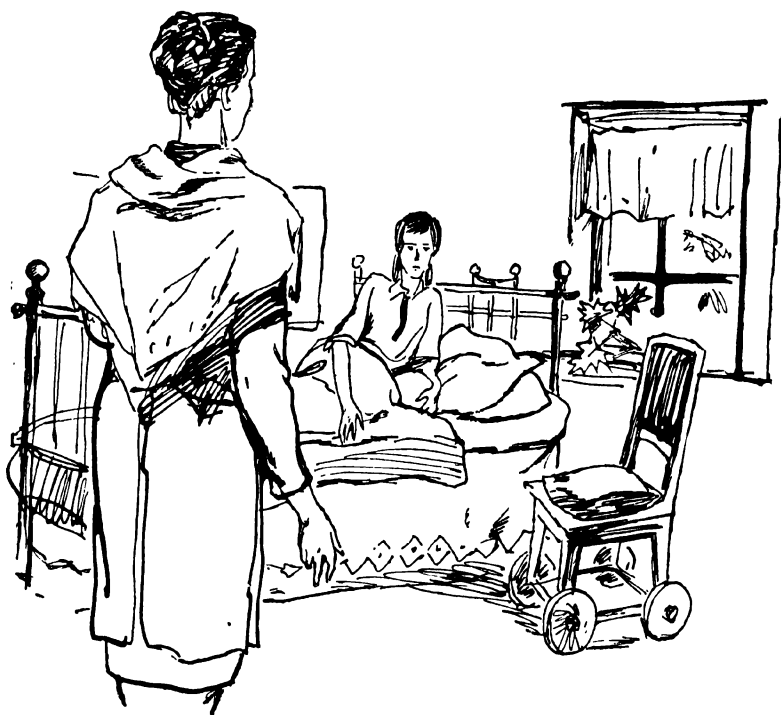
Нет, Зоя, нельзя так. Должен быть выход. Нужно снова продумать: что же с Алёнкой случилось? Испуг, а дальше?.. Запредельное торможение... Значит, нужен эффект растор-маживания? Но как? Как?..

Встала. Посмотрела на письмо к матери. Скомкала и бросила в печь. Зачем ей такое писать? Чтобы расстраивалась?

Вспыхнула бумажка, а вьюшка закрыта, дым повалил в комнату. Выхватила письмо, затоптала ногами, смотрит на клочок бумаги.

И вдруг вскрикнула, таким же огоньком вспыхнула в мозгу мысль. Конечно, так...

Бросилась к двери, чтобы поделиться с хозяйкой, но остановилась. Нельзя. Никто об этом в деревне знать не должен! Ну, Лукьяновна, держись! Твоим же оружием дей-

ствовать нужно. Только умнее, тоньше...

ДО Сысовых дошла быстро. Поднялась на крыльцо. А всё-таки страшно. Не так просто, как дома показалось. Только отступать нельзя — нужно действовать.

Дёрнула дверь, попала в холодные сени и дальше в горницу.

Осмотрелась. Стоит Василиса: глаза прищурены, холодные.

— Зачем опять пришла?

— Лечить.

— А чего лечить-то? Одни мучения остались. Ходила девчонка, да теперь не пойдёт.

— Пойдёт.

— Тоже упрямая... Всё своё повторяешь. Постарше тебя думали. А ведь ребёнка ты не

жалеешь. Только душу ему терзаешь.

— Это ты, мать, о своём ребёнке не думаешь. Ни во что верить не хочешь. Пусти меня к ней.

Зло сказала, резко. И откуда такая злость взялась?

Повязала Василиса двумя узлами платок в горошек, поглядела на докторшу. То ли боль материнская прошла по её морщинам, то ли усмешка. Вот пристала к дочери, требует. А если сказать — уходи! — да дверь открыть? Повернулась, взялась за ручку, но одумалась. Что-то новое появилось в лице докторши. Вздохнула тяжело, пальцем на другую дверь показала: иди туда, спрашивай. Пусть девчонка сама решает.

...Сколько раз Зоя Сергеевна входила в эту комнату. Бедно. Железная кровать с никелированными шариками — вся роскошь. Стол дощатый. У окна — стул на колёсах. Это Гавриил Гаврилович позаботился, велел мастерам сделать для Алёнки.

У окна ветка осины с красными листьями. Наверное, подруги принесли.

— Здравствуй, Алёнушка.

Молчит. В окно смотрит.

— Как ты себя чувствуешь, девочка?

Вспыхнула усмешка в глазах и погасла. Посмотрела безразлично, пожала плечом:

— Можно лучше, да некуда.

— А я к тебе с добрыми вестями пришла. Всё у тебя хорошо будет.

— А вы садитесь, — вдруг говорит Алёнка, словно никто ничего ей сейчас и не сказал. — В ногах правды нет. Вот видите... Я сижу, а нельзя же. Со старшими стоя разговаривают.

— Зачем так?

— А чего? Мне — четырнадцать, а вам уже вон сколько. Вы же всем говорите — ходить могу.

Стоит Зоя Сергеевна посередине комнаты. Растерялась. Эх ты! Возьми себя в руки. Засмейся. Присядь к девочке. Плохая артистка из тебя... За такое дело Лукьяновне браться нужно, она мастер...

— А я, Алёнка, с письмом пришла. Из Москвы.

Молчит. В окно смотрит.

— Большой профессор о тебе пишет.

Скосила глаз, не выдержала. Что такое у докторши? Бумажка в руке. Чего там про меня писать могут? Откуда меня знают? Да и кому до меня дело есть?

А Зоя Сергеевна бумажку к ней тянет, улыбается: прочти, прочти.

Пожала Алёнка плечами.

— Чего там у вас... Читайте, если хотите...

— Ну, вот, слушай... «Есть у нас лекарство в Москве. Принимают его всего тридцать капель, а действует наверняка. Встанет ваша девочка. Одно трудно: нужно для лекарства разрешение самого наркома медицины. Поэтому пока выслать не можем, а как подпишет заявление — отправим».

Подняла Зоя Сергеевна глаза и чуть не вскрикнула. Алёнка смотрит на неё то ли испуганно, то ли удивлённо.

— Что же, встану?

— Конечно, только лекарство вышлют.

— А долго ждать?

— Подпишет нарком — и сразу. Не больше месяца. Знаешь, как письма идут...

— Месяц! — даже охнула. — Разве быстрее нельзя?

— Нельзя. Нарком — человек занятый. Каждому делу свой черёд. Потом лекарство драгоценное. Другие страны его у нас покупают, золотом платят.

У Алёнки испуг в глазах

— Где же нам с мамкой золота взять?

— Что ты, Алёнушка? Своим за так дают.

— Мама! Мама! — Послушай... Какое письмо из Москвы пришло! Там лекарство есть. Прислать обещали. Приму лекарство и встану.

Стоит мать в дверях, смотрит недоверчиво на докторшу.

— Значит, есть лекарство, — будто бы себе говорит. — Может, с Гавриилом поговорить, самой в Москву съездить. Не одна моя-то на белом свете. Не пришлют ещё.

— Обязательно пришлют, — перебивает Зоя Сергеевна.

Положила письмо на стол, пусть читают. Дошла до дверей.

— Ты уж прости за грубость... — тихо говорит мать. — Напиши в Москву, постарайся. Век не забудем.

...НА улице кромешная тьма. Ночь. Постояла около своего дома. И отсюда Алёнкино окно видно. Не спят ещё. Огонёк светится. Наверно, говорят о лекарстве. Это хорошо.

Зашла в комнату, чиркнула спичку, сняла лампу с полки. Нужно сейчас же матери письмо написать, а утром с оказией отправить на станцию.

«...Сейчас от тебя, мам, многое зависит. Возьми любое лекарство с сильным запахом (хоть нашатырно - анисовые капли), налей в бутылочку с красивой наклейкой и вышли. А письмо на машинке напиши, подпишись посolidнее. Ты — врач и меня поймёшь. Твоя Зоя».

...ТЕПЕРЬ не было человека в деревне, кто бы не знал, что ждёт докторша из Москвы замечательное лекарство. Вот уже три с лишним недели прошло с того вечера, а в селе только и говорят об Алёнке.

С утра пришел к Зое Сергеевне Гавриил Гаврилович. Оделся по-воскресному. Сапоги блестят, дёгтем смазал. Пиджак с прямыми плечами, как бурка. А на шапке красная партизанская лента. Любит Гавриил Гаврилович серьёзный разговор при всём параде вести. Пусть знают, что не просто человек пришёл, а председатель нового колхоза, сама Советская власть.

Посидел на топчане, обвёл глазами помещение, крикнул.

— Да-а... Худа больничка. И потолок со ржавчиной. Нужно ремонтик провернуть.

— Давно пора, — улыбается Зоя Сергеевна, понимает — не за тем пришёл.

— И верно. Сделаем. Слово даю.

— Спасибо.

— К Алёнке-то заходишь?

— Каждый день.

— Есть улучшение?

— Будет.

Вскинул брови, облегчённо вздохнул.

— Значит, правду говорят: лекарство из Москвы ждёшь? Может, деньги нужны, колхоз выделит, хоть и трудновато. — Улыбнулся, моргнул глазом. — Между собой порешили, коль правда с лекарством, — сотню дадим. Дело, понимаешь, очень важное. Победишь —

сколько людей к Советской власти привяжешь.

— Должны бесплатно при-
слать. А про деньги Алёнке
скажите. Для неё это важно.

— Скажу, конечно, — радо-
стно говорит Гавриил Гаврии-
лович.

Она провожает председа-
теля до крыльца. Холодно, но хо-
рошо. Много ли времени про-
шло, а снежок. Деревня слов-
но заснула. Тишина. Такой ти-
шины в Москве представить не

могут. Каждый звук что на-
бат. В какую же даль закину-
ла её судьба! Вещей — чемо-
данчик да докторская трубка.
Подумать только, четыре ме-
сяца назад всё здесь было чу-
жим, не знала никого, не ве-
дала, а теперь и горе их и ра-
дости — всё твоё. Знаешь ли,
Зоя, на что пошла? Знаю. А ес-
ли ничего не выйдет — отвер-

нутя люди. Знаю. Правильно ли ты сделала? Подумай. Подумала.

Надела пальто, положила в карман трубку, причесалась перед зеркалом. Не такая уж маленькая: метр пятьдесят шесть. И не такая молодая: двадцать четыре через месяц. Сама всё решай.

Она уловила шум на улице. Насторожилась. Окно замёрзло — не поглядишь. Продышала в стекле дырочку, припала глазом и вдруг метнулась к дверям. Вот оно, вот... Пришло! Распахнула дверь настежь, голова закружилась. Схватила за перила. Конечно, пришло. Бегут мальчишки. Гавриила Гавриловича сын. Первый. За ним Ивановых Борька... Вяткиных. А почтальон позади.

А за почтальоном — взрослые. Что им сказать? Нужно самой успокоиться. Взять себя в руки. Это очень ответственно, Зоя. За тобой десятки глаз смотрят.

— Зоя Сергеевна, письмо и посылка!

Передохнула, протянула руку:

— Ну что ж, давно пора. С той недели жду.

Расписалась. Руки дрожат, не слушаются.

— Зоя Сергеевна! Зоя Сергеевна!

Вздрыгнула от крика, узнала Алёнкину мать. Не оделась. Простоволосая. И до них добегать успели.

— Пришло? Пришло для Алёнки?

Вбежала во двор, бросилась к докторше, схватила пузырёк, плачет.

— Махонький-то какой, и написано не по-нашему. Не прочесть.

„ЛЕКАРСТВО твоё пришло вовремя. Доставляли всей деревней. Гавриил Гаврилович вечером в гости пришёл. Принёс водки. Говорит, нет ничего плохого, если за успех выпьем. Это, говорит, может быть, народный праздник.

А у Алёнки вера в свои силы появилась. Ждёт, когда я лекарство дам. Пока не тороплюсь. Готовлю её к этому. Объясняю: лекарство — только помощник, а начальник — ты сама.

Все тут о чуде говорят, не зная, что это лечебный гипноз. Подчинится она мне — пойдёт, не хватит сил встать — так и останется лежать на всю жизнь.

Мои волнения сама понимаешь. Не выйдет — буду проситься в другой район. Здесь не жить. Жми за меня кулаки, ругай. Говорят, это к удаче. Целую. Твоя Зоя».

...АЛЁНКА лежала на большом дощатом столе в горнице. Что же теперь будет? Она уловила острый запах и поняла — это Валя, фельдшерица, открыла бутылочку с лекарством, и воздух в её избе стал совсем другим, больничным.

— Долго ещё, Зоя Сергеевна?

— Минут десять.

Алёнка вздыхает. Десять минут. Это, оказывается, очень долго, как сутки. Неужели встану? Когда же я ходила в последний раз? Ранним летом. А теперь снег на дворе.

Зоя Сергеевна рядом стоит. Провела рукой по щеке:

— Не волнуйся. Всё идёт хорошо.

Взяла кровь из пальца, Щёлкнула чем-то, нажала на ноготь и сразу же к микроскопу. Для матери микроскоп в диковинку, да и другие с уважением смотрят.

— Хорошо там, в машине-то, али плохо? — слабым голосом спрашивает мать.

— Хорошо.

Значит, встану. Сколько осталось ждать? Минут пять. Буду считать про себя. Раз, два, три...

— Мама, надень мне валенки, а то я босиком.

— Можно Алёнке валенки? Встанет, а пол-то холодный.

Зоя Сергеевна молчит, горло, точно обручем, перехватило.

— Наденьте. Действительно, как мы не подумали: встанет, а пол холодный.

Теперь все смеются. Как хорошо сказала: «Встанет, а пол холодный».

— Давление?

— Сто и семьдесят.

— Хорошо али плохо будет?

— Хорошо, хорошо.

Отчего все поднялись? Вот Гавриил Гавриилович за ус себя щиплет. А мать бледная, в глазах страх. Кажется, начинают. А сердце около горла

волчком ходит. Дышать не даёт.

— Ты всё помнишь, Алёнушка?

— Помню.

— Тридцать капель. Смотри, момент не пропусти.

...Нужно капать так, чтобы лекарство оставалось на хирургической маске.

— Раз!

Зоя Сергеевна смотрит на Алёнку. Если бы здесь знали, что это почти вода!

И всё же она должна встать.

— Два.

Нельзя спешить. Пусть привывает. Вон как колотится сердце. Даже жилочка на лбу прыгает. О чём думает она сейчас? Нет, нельзя отвлекать. Капать. Спокойно. Тридцать раз.

— Три.

Какие напряжённые у всех лица. Все ли верят? Пожалуй, да. Я играю в поразительном спектакле. Всё придумано мной с начала до конца. Но никто этого не узнает. Никто. А знахарка умная. Затаилась. Ждёт неудачи. Думает, придёт её время.

— Четыре.

Не быстро ли? Нужно что-то сказать девочке. Она ждёт, чтобы я ей сказала. Это гипноз, внушение — значит, нужно говорить.

— Как ты себя чувствуешь? Хорошо? Вот и замечательно. Знай, лекарство уже действует. Ногам становится теплее?

— Да.

— Шесть.

А если она не сумеет встать?

Четыре месяца — сто двадцать два дня. Как у меня бьётся сердце. Нельзя так волноваться.

— Семь.

О чём я думаю? Я же уверена, что она встанет. Если у меня не выйдет, сколько ещё здесь случится несчастий...

— Пульс?

— Восемьдесят.

— Молодец. Осталось немного. Двадцать две капли. Дыши глубоко. Пусть всё лекарство попадёт в лёгкие. В твоих ногах уже появилась сила. Ты должна это чувствовать, Алёнка.

— Да.

— Девять.

Как я хочу, чтобы ты встала. Прошу тебя — встань, когда я скажу «тридцать». Ты должна это сделать. Тебе только кажется, что ты веришь в лекарство, просто ты поверила в свои силы. Это замечательный обман, Алёнка. Какая здесь тишина. Кажется, люди перестали дышать. Я специально разрешила прийти им. Пусть видят, как это случится.

— Десять.

— Вспомнила, — неожиданно говорит Валя. — На что, думаю, запах похож? Да, на нашатырно-анисовые.

— Одиннадцать.

Что она говорит? Скорее, скорее... Нужно что-то сказать Алёнке.

— Двенадцать.

Я совсем растерялась. Даже не знаю, о чём спросить у неё. Вот так всегда со мной. Я совершенно беспомощна перед неожиданностью. Так всегда.

...ДВЕНАДЦАТЬ, — считает про себя Алёнка. Какой острый запах. Очень сильное лекарство. Я почувствовала, как оно попало в кровь, и мне стало тепло. Только почему Зоя Сергеевна так медленно считает? Быстрее бы... Я хочу попробовать встать. Хотя бы на минуту. И снова лечь. Когда же будет тридцать?

— Двадцать четыре.

— Артериальное давление — сто и шестьдесят.

— Хорошо.

Это Валя. Она сидит рядом, меряет давление. Маска закрывает глаза, и мне никого не видно. Можно спросить, что делает мама? Как тихо... Только тикают ходики. Как они быстро идут! Пока Зоя Сергеевна отсчитывает каплю, они противостоят раз сто.

— Двадцать восемь...

Но ведь не было двадцати семи? Или я невнимательна? Что я делаю? Нужно слушать. Пропущу «тридцать» — и не встану. Опять колотится сердце. Жарко. Вспотела... Сейчас...

— Двадцать девять.

А если встать, не дожидаясь тридцати? Осталась последняя капля. Нет. Нужно ждать. Противное сердце. И всё время пот. Я очень волнуюсь. Так можно пропустить счёт, потому что звенит в ушах. С таким шумом ничего не услышишь. Двадцать девять было очень давно. Ну? Я слушаю. Я готова... Я хочу встать. Сейчас... Сейчас...

— Тридцать.

...АЛЁНКА тяжело повернулась, упала на пол. Тело ударилось плашмя, гулко, и Зою Сергеевну поразили стон людей, сидящих в комнате. Она видела, как несколько человек метнулось к девочке.

— Встать! — крикнула она.

Алёнка отжала руками тело, согнула ногу и, вцепившись в край стола, начала медленно подниматься. Теперь она стоя-

ла перед всеми, бледная, потная, гримасничая от слабости в ногах.

— Стою... стою... — повторяла Алёнка, беспомощно поглядывая на застывших перед ней людей. Её ноги дрожали, пружинили, и вдруг она сделала шаг вперёд.

— Иду... — шепнула она, вытянув руки и двигаясь к Зое Сергеевне. — Иду... Я пошла...

Рисунки П. Вискова

МАЛЬЧИШКИ

Жили в болгарской деревне
весёлые сорванцы,
гоняла их бабка с деревьев,
ругали дома отцы.

Мальчишки шмыгали носом,
к глазам поднеся кулак,
но слаще всего абрикосы,
когда их добудешь так...

Ещё мы плутали в тумане,
ветрами нас горными жгло,
но знали в долине крестьяне,
что русские едут в село.

Бегут по дороге мальчишки,
заслышав наши гудки...
Вот рубчатые покрышки
потрогали важно дружки.

Взглянули они друг на друга,
на дерево
и на нас...
Нарвать бы,
но так...
чтоб старуха
не видела в этот раз...

Бывают удачи на свете —
корзина полным-полна...
Но вздрогнули оба,
заметив
хозяйку возле окна.

Ребята молчат виновато,
а та и не кажется злой,
она не бежит вдоль сада
и в пятки не тычет метлой.

Стоит
и не угрожает,
что уши нарвёт сорванцам,
и вовсе она не желает
тащить их сегодня к отцам.
И нету в словах упрёка,
а даже ласка скорей:
— Снесите гостям в дорогу
Послаще да покрупней.

И мальчишки дружно решили,
смущённо потупив глаза:
до чуда они дожили
и так хороши чудеса.

ЗОЛОТЫЕ РЫБКИ

Золотые рыбки,
царская забава,
в глубине бассейна
плыли величаво.
Царь стоял над ними,
длинный, остроносый,
белою рукою
булку брал с подноса,
мякишем кормил их
с благодушным видом
на глазах у верной
восхищённой свиты.

.....
В бывшем царском парке
около фонтана
я сегодня встретил
девочек румяных;
шумно подбежали
стайкой пионеры,
встали у бассейна,
свесились с барьера.
Рыбка под водою
хвостиком колышет,
хлеб она проглотит
и уходит ниже...

.....
Если вам случится
быть когда в Софии,
вспомните: живут там
рыбки золотые.

Как пройти к фонтану,
вам укажет каждый, —
рядом с ним могила
партизан отважных.

В каждой руке белый держал по мацавакену. Он поднял двустольные ружья над головой, и заходящее солнце заиграло на стали.

— Воины дакоты! Вождь Матотаупа! Великий вождь Татанка Йотанка! — громко произнёс он на языке дакотов, но с таким акцентом, что Харка с трудом понимал его слова. — Вот оружие! Новое отличное оружие! Любого гризли оно убивает с одного выстрела. Такого оружия вы ещё никогда не видели в палатках рода Медведицы. Эти замковые двустольные ружья новейшей конструкции я дарю тебе, вождь Матотаупа, великий охотник на медведей, и

твоему сыну — Харке. Я сказал, хау!

Харке казалось, что он ничего не видит и не слышит больше. Мацавакен в его руках! Собственный мацавакен! Неужели это не сон!? Ничего не соображая, он вошёл в круг, и белый вручил ему ружьё. Весь окружающий мир перестал существовать для Харки. Он только чувствовал в руках ружьё, и перед глазами, словно в тумане, возникла картина: скачущие пауны... выстрел из мацавакена... смертельно сражённая мать... Мацавакен! Мацавакен, захваченный Харкой в бою! И мальчик невольно посмотрел в сторону палатки жреца, где на трофейном шесте, между шкур животных висел принесённый им в жертву мацавакен.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 5 за 1966 г.

Мацавакен!

Оружие, которое Харка держал в руках, белый человек назвал ружьём. Оно, по-видимому, было сильнее ружья Далеко Летающей Птицы, и из него легко можно убить медведя. Оно было совсем новое и гораздо красивее того неуклюжего Громого Железа, которое висело перед палаткой Хавандшиты. Харка умеет обращаться с этим оружием и никогда его никому не отдаст. Это подарок белого человека.

Харка гладил ствол ружья, притрагивался к затвору, трогал курок. Точно сквозь сон, он слышал насмешливый голос:

— Посмотрите-ка на него! Он только что получил ружьё, а уже, кажется, умеет с ним обращаться! Подойди-ка сюда, юный охотник на медведей! Бедовый парень! Ты получишь патроны и сделаешь свой первый выстрел. Понял, ты сделаешь первый выстрел!

Харке показалось, что воины даже чуть отступили от него. Мальчик удивился, услы-

шав эти слова. Ему было стыдно смотреть на отца и на жрецов. Может быть, это неправильно, что он, Харка, ещё ребёнок, будет стрелять первым? Может быть, белый и не имеет права на этом настаивать? Но желание выстрелить было сильнее сомнений. Харке так хотелось поскорее услышать свой выстрел, увидеть его результат...

Белого не заботило сохранение авторитета старших. Он обхватил мальчика за плечи и повёл самым коротким путём сквозь кустарник в прерию.

— Хэлло, хэлло! — крикнул он, остановился и поднял своё ружьё. — Воины рода Медведицы, сейчас вы услышите свой первый выстрел. И ещё вы будете свидетелями лучшего вы-

стрёла в прериях от Канады до Мексики. Расступитесь!

Он выбрал подходящее место и каблуком прочертил линию. Твёрдо ступая в своих высоких сапогах, отмерил пятьдесят метров и провёл вторую линию, отмерил двести метров. Потом оглянулся.

— Эй, мальчишка! — крикнул он Шонке. — Установи цели! На первой линии повесь меховую куртку, на второй — поставь щит из бизоньей кожи. Да поторопись, скоро скроется солнце!

Шонка побежал в лагерь. «Это удивительно, — подумал Харка, — я буду стрелять, а Шонка будет для меня устанавливать цели только потому, что так приказал белый человек. Видно, этот незнакомец большой вождь».

Шонка притащил куртку, повесил её на воткнутую в

землю палку. А дальше, на второй линии, он установил щит, оперев его на палку, приготовленную кем-то из воинов. Это был раскрашенный щит из нескольких слоёв бизоньей кожи.

— Воины дакоты! — снова заговорил белый. — Я буду стрелять первый. Я попаду в куртку в то место, под которым должно биться сердце её хозяина. Я выстрелю в щит, попаду в его середину и пробью его. Я сказал, хау!

Грохот выстрела разорвал вечернюю тишину. Куртка слегка шелохнулась. Белый встал, но не двинулся с места. Несколько воинов поспешили к цели.

— Попал! Попал! — закричали они.

На губах стрелка заиграла насмешливая улыбка. Раздался второй выстрел, и снова воины побежали к цели — прочному бизоньему щиту. Пуля пробила его точно в центре. Снова раздался крик удивления и негромкие голоса:

— Вакан! Вакан! Тайна!

Рыжий произнёс короткое «хе» и повернулся к Харке:

— Учись стрелять, мой мальчик! У тебя есть пример. Ну, иди, мы зарядим вместе. Так, теперь так, клади сюда заряд.

Харка с готовностью подчинялся, но очень волновался. С большим трудом он заставил себя успокоиться, ведь ему надо не просто выстрелить, а попасть в цель. Оружие для мальчика было слишком велико и тяжело, и он боялся, что

не сумеет с ним как следует справиться.

И вот раздался выстрел. Харка уже знал, что ружьё сильно отдаёт, он приготовился к этому и не покачнулся.

Шонка, да, да, презренный Шонка бросился к куртке, в которую целился Харка. Пуля попала в куртку, правда, не точно в то место, где должно бы быть сердце, но всё-таки в область сердца. И вот Шонка теперь показывает это всем.

— Неплохо, — сказал белый. — Ты получишь боеприпасы к ружью, юный охотник на медведя. Получишь их столько, чтобы завтра ты мог как следует поупражняться!

Щёки Харки пылали. Только теперь он словно очнулся и вернулся к действительности.

Белый обратился к Матотаупе:

— Нет ничего лучше, чем иметь такого сына, вождь! Сегодня ночью я и тебе объясню, как пользоваться этим оружием, и завтра утром мы сможем начать учебную стрельбу. Я сказал, хау.

Тут незнакомец несколько отступил назад и поклонился Хавандшите и Татанке Йотанке. И трудно было сказать, был этот поклон почтителен или нет.

— Извини, великий жрец, — сказал он, — что мой подарок попал в руки простого вождя и его сына. Но, поверь, я единственный человек, от которого вы можете получать подарки. И если я могу быть вам чем-нибудь полезным — говорите. Я постараюсь помочь.

Татанка Йотанка безразлично отнёсся к необычной речи белого. По лицу Хавандшиты пробежала гримаса.

— Ну, это мы посмотрим, — произнёс он без особого дружелюбия.

Сумерки сгущались. Облака затянули горизонт, и не было видно ни одной звёздочки. Все направились в палатки.

Татанка Йотанка был гостем Хавандшиты. Белого Матотаупа пригласил к себе.

Вождь и его гость расположились у очага. Женщины и дети заняли свои обычные места, а Харка, как и всегда, тоже присоединился к ним. Унчида разделала лапу бурого медведя, убитого вождём ещё во время первой охоты. Она насадила её на вертел, и Матотаупа поворачивал над огнём поджаривающееся мясо.

Белый улыбнулся и вытащил из своей куртки коротенькую трубку.

— Великий вождь Матотаупа, мне нравится запах жареного в твоей палатке. Ты не-

плохой хозяин. Ты отличный хозяин и отличный охотник. Будем друзьями. Слушай моё имя: меня называют Рыжий, я — Рэд Джим.

— Ты стреляешь хорошо и твоя рука щедра, — спокойно ответил Матотаупа. — Да, мы будем братья.

Матотаупа ещё раз повернул над огнём лапу, потом снял её и положил на глиняную тарелку перед гостем. Унчида насадила на вертел вторую лапу — для самого вождя.

Рэд, наверное, был голоден. Он вытащил нож и, отрезая куски мяса, один за другим начал проглатывать их.

Во время еды молчали.

Когда Матотаупа тоже поел, белый снова заговорил, и Харка прислушивался к разговору.

— Великий вождь, два мацавакена — это не единственный мой подарок, который я принёс в твою палатку. Здесь, — он указал на небольшой бурдючок, — у меня спрятана ещё одна необыкновенная тайна. Здесь живёт огненный дух. Слабых мужчин он побеждает, сильных — делает ещё сильнее, и они становятся непобедимыми.

— Белые люди знают много тайн, — спокойно ответил Матотаупа. — Где же белый человек по имени Рыжий поймал этого духа?

— Где? Э-э, вождь, далеко отсюда. Этих мест ты никогда в своей жизни не видел. В маленькой тёмной волшебной лавчонке большого города. А что такое город — ты знаешь. Вам Далеко Летающая

Птица, наверное, об этом рассказывал? Вот оттуда-то я и принёс этого духа. И ты — первый индеец, которому я его покажу.

— А-а, — только и сказал Матотаупа.

— Или ты, может быть, боишься? Но это волшебный напиток, он сильных делает ещё сильнее.

— О-о.

— «А» и «о». Ну, конечно, ты боишься. Тогда не пей. Слабонервных побеждает огненный дух, а я этого для тебя не хочу.

Белый протянул ноги по шкуре, которая устилала землю, опёрся на руку, переложил трубку в уголок рта. Матотаупа неподвижно сидел на подогнутых ногах. Рыжий вытащил из одного из своих многочисленных карманов маленький стакан:

— Вот видишь, из каких стаканчиков пьют всего ло небольшому глотку огненного напитка.

— Таинственная вода, — сказал Матотаупа. — Старые и мудрые воины предупреждали нас о ней. Эта вода уже многих из наших людей сделала больными.

— Ах вот что! Но это не та таинственная вода, о которой ты слышал.

В палатку вошли Старая Антилопа, Ворон и три его старших сына — Братья Вёрны. Они были в прекрасном настроении и тут же расположились вокруг очага. Начались разговоры об охоте, о мацавакене, о метком выстреле

белого человека. Наконец заговорил Рэд:

— Послушайте, воины! Я хотел поделиться с вами тайной белых людей, которая помогает сильному стать ещё сильнее. Но ваш вождь боится.

Воины рассмеялись:

— Боится? Когда Матотаупа боялся?

— А вот мы и посмотрим. Внимание! Я открываю этот небольшой бурдюк и первым пью таинственный напиток, который сильного делает сильнее, а слабого — совсем слабым. Хорошо?

— Хорошо, хорошо! — закричали все.

— Но погодите. Я не подумал о том, что эта тайна не для женщин и детей. Или вы думаете иначе?

— Нет, мы согласны с тобой. Это по нашим обычаям.

Матотаупа кивнул женщинам и детям, чтобы они удалились.

Унчида и Шешока обменялись несколькими словами, из чего стало ясно, что они намерены пойти в палатку Чужой Раковины.

Шонка куда-то исчез.

— Позови Курчавого, — сказал Харка Харбстенаху. — Мы вместе пойдём к Четану.

Курчавый скоро присоединился к ним, и трое мальчиков вошли в палатку Четана. Так как здесь не было воина, мальчики могли расположиться у очага, а Уинона под села к матери Четана и двум маленьким девочкам.

Снаружи гремел гром и

сверкали молнии, но дождя не было.

Мальчики не сразу заговорили. Они снова были вместе, но после переживаний такого дня каждому ещё надо было разобраться в своих мыслях.

В лагере сменились гости. Дружески расположенный к индейцам художник и его невозмутимый спутник — Длинное Копьё — ушли, а появился Татанка Йотанка и ещё этот Рыжий, который вёл себя как вождь. Прозвучали первые выстрелы. У Харки теперь собственный мацавакен. В палатке вождя лежала шкура гризли. Казалось бы, можно радоваться, но какое-то беспокойство тяготело над друзьями, и они не могли понять его причины.

Харка смотрел на огонь. Языки пламени лизали сучья и превращали их в пепел. Четан вывел его из задумчивости:

— Расскажи об охоте на гризли, Харка. Охотник на медведя, Твёрдый как камень, Преследователь бизонов.

В разгар беседы в палатку вошёл Шонка. Он подсел к мальчикам.

Никто не мог ничего возразить: Шонка жил в палатке Матотаупы и принадлежал к родственникам Харки. Но его присутствие помешало, и разговор прекратился.

— Что ты вечно слоняешься по лагерю? — наконец произнёс Четан. — Ты что, подглядываешь за нами?

— Твоя палатка меня не интересует.

Четан не хотел оскорбить Шонку, просто надо же было

как-то начать разговор. Но ответ Шонки был вызывающий, и Четан тоже не сдержался:

— Значит, тебя приучили подглядывать?

— Я думаю, что кое-кому тоже придётся к этому привыкаться, — ответил Шонка, и в голосе его прозвучало нескрываемое злорадство.

— Может быть, скажешь, кого ты имеешь в виду?

— Если захочу...

— Ну, хочешь ты или не хочешь — мне всё равно.

— Завтра ты не будешь надо мною издеваться, Четан.

— Уж не собираешься ли ты стать жрецом? Говорить непонятные речи ты уже научился.

— Мои речи темны не больше, чем то, что их породило.

Курчавый в силу своего весёлого нрава чуть не расхохотался, слушая эту

перепалку, но, посмотрев на Харку и его товарищей, сдержался: слишком уж мрачны и недружелюбны были взгляды юношей.

— Не напускай тумана, Шонка, — снова сказал Четан. — Я могу подождать, пока он рассеется.

— Жди, если хочешь. Но лучше, если ты сразу разберёшься. Подойди к палатке Матотаупы.

— Этого я не сделаю.

— Да, ты этого не делаешь, потому что нас всех оттуда прогнали. Но Матотаупа знал, зачем нас прогнал.

— Шонка! — вмешался Кур-

чавый. — Как ты смеешь так говорить о нашем вожде!

— Заткнись ты, малыш, Волосы в колечках!

— Курчавый прав, — заметил Четан. — И ты уже много сказал, Шонка, так уж говори до конца.

— Я не скажу больше, чем сказал. Если хотите знать больше, пойдите и посмотрите сами.

— Мы не ослушаемся приказа вождя и не будем подсматривать за нашими отцами и братьями.

— Тогда заткните уши. Если можете, заткните и мне. Я сказал, хау! — Шонка поднялся и вышел из палатки.

Мальчики были расстроены. Харке было особенно горько, ибо слова Шонки действовали на него, как ядовитые пилюли. Говорить больше ни о чём не хотелось, и мальчики решили улечься спать.

— Оставайтесь здесь, — сказал Четан, — Мы будем спать вместе.

— Вместе с Харкой, Охотником на медведя! — живо воскликнул Чернокожий, который хотел хоть как-нибудь подбодрить Харку.

Мальчики завернулись в одеяла.

Гроза, не пролившая дождя над палатками, стихала. Харка чувствовал себя усталым, как загнанная лошадь, и быстро заснул. Но, засыпая, он решил, что среди ночи поднимется и посмотрит, что делает Шонка. Может быть, эта собака опять будет бродить вокруг палатки отца и подсматривать.

Харка должен знать об этом и предупредить Матотаупу. Харка не собирался нарушать приказа отца, но хотел уберечь его от слежки, которая, как он думал, преследует недобрую цель,

За полночь Харка проснулся и выскользнул из палатки. Это заметила только Уинона, но мальчик знал, что она будет молчать. Да, когда надо, она может казаться мёртвой, словно прерия под снегом.

Осторожно пробрался Харка в ту часть лагеря, где располагались палатки Хавандшиты и Матотаупы. Из щели типи вождя виднелся свет, и оттуда доносился странный шум. Палатка Хавандшиты была темна и тиха.

Мальчик несколько раз обошёл вокруг палатки, но Шонки нигде не обнаружил. Тогда он подошёл поближе. Он боролся с собой. Шонка нарушил приказ вождя, Харка не хотел этого делать. Он только хотел ясности, он хотел узнать то, что не договорил Шонка. Ведь если Харка собирается защищать отца, ему нельзя оставаться в неведении. Ещё какое-то время мальчик боролся с собой, и всё-таки решился. Он быстро прилёг на землю около самой палатки. Прислушался. И вот он уже смотрит через прорезь около планки внутрь палатки.

9. ХАРКА = СЫН ВОЖДЯ

Харка смотрел. Гости, все пятеро, что пришли вечером в палатку, были здесь. Совершенно необыкновенно вёл себя

Старая Антилопа. Широко расставив ноги, он стоял между очагом и стенкой палатки и раскачивался. Казалось, вот-вот он упадёт. Он переносил тяжесть тела то на носки, то на пятки и каждый раз при этом громко хохотал. Пальцем он пытался показать на очаг и кричал:

— Медведь, медведь! Он сидит прямо в огне и греет свои лапы!

Его голос был необычно пронзителен.

— Он греет свои лапы, медведь! А вы хотите съесть его лапы! Пхю! Хотите съесть лапы хорошего, доброго медведя!

Рядом со Старой Антилопой лежал на земле старший брат Ворон. Глаза его были закрыты, и он храпел. Отец Ворона тоже валялся рядом с ним.

— Медведь! Замечательный медведь! — орал Старая Антилопа; потом его покачнуло назад, он потерял равновесие и, размахивая руками, шлёпнулся прямо в очаг.

В палатке стало темно. Отец и белый человек хохотали. Старая Антилопа посидел некоторое время в очаге, но скоро почувствовал, что кожа его начинает поджариваться. Тогда он снова принялся орать:

— Я сам медведь! О-о! А-а! — и, выбравшись из очага, стал встряхиваться, как собака, и обчищать лапы. — Что вы делаете со мной, койоты!

Харка очень хорошо видел эту сцену, так как белый как раз подбросил сучьев в огонь.

То, что происходило тут, было, конечно, очень смешно, и Харка тоже еле сдерживал смех, когда Старая Антилопа, весь растрёпанный, пытался найти своё место и кричал:

— Я медведь! Медведь! Добрый медведь! Нельзя есть мои лапы!

Рыжеволосый наполнил из бурдюка стакан и опрокинул в свою глотку.

— Кто следующий? Пока я победитель! Трёх воинов я уложил на землю, и одного из них с единственного бокала. А я осушил три бокала и совершенно свеж, только стал сильнее!

Два брата Ворона протянули руки.

— Хэлло! — кричал Рыжий Джим. — Хэлло, давай ещё раз! — И он наполнил стаканы и передал их воинам, последний наполнил себе и сразу осушил его.

— Ну, ещё? — спросил он.

И опять два брата Ворона протянули руки. Они выпили ещё раз, но стаканы держали неловко, расплескивали содержимое, а один из них даже поперхнулся. Рэд, Матотаупа да и Старая Антилопа принялись над ним смеяться. И тут Харке бросилось в глаза, что отец и белый смеялись совершенно по-разному. Матотаупа смеялся добродушно, как обычно подсмеиваются над теми, кто на весёлых праздниках принимает участие в поедании собачьей печени. Рэд смеялся во весь голос, и что-то оскорбительное было в его смехе. Харка чувствовал, что белый зло

надсмехается над воинами рода Медведицы. Но у мальчика не было времени особенно призадуматься над этим, потому что оба брата принялись оскорблять друг друга.

— Ты грязная жаба! — кричал один. — Ты плюнул в мою сторону!

— Замолчи! — кричал другой. — Ты врёшь! А разве может воин дакота врать!

— Молчи ты, грязная Ворона! — рассмеялся ему в лицо Старая Антилопа.

Тот не выдержал и ударил Старую Антилопу в лицо. Началась потасовка.

Матотаупа и Рэд снова смеялись, и опять каждый на свой лад.

— Итак, нас осталось двое, — заговорил рыжеволо-

сый, обращаясь к вождю. — Но я готов побиться об заклад, Матотаупа, что тебя этот напиток не свалит с ног и ты, как и я, от него станешь сильнее.

Харку охватил страх. Что, если отец выпьет и напиток подействует на него так же, как и на других воинов?.. Что, если заключённая в этом бурдюке сила одолеет и его?.. Нет, Харка даже и представить себе не мог, что произойдёт тогда. Этого не должно случиться! Никогда не должно случиться! Никогда, нигде, никто не сможет победить вождя Матотаупу. Никогда!

— Ну, хватит ли у тебя мужества, Матотаупа? — спросил белый.

Вождь иронически рассмеялся:

— Ты ещё сомневаешься...

— Так ты согласен со мной помериться?

— Хау, согласен. Я видел, что ты уже четыре раза осушил бокал и стал только бодрее. Ты будешь пить в пятый раз, я — в первый. Ты привык пить эту таинственную воду, я — не привык. Вот мы и сравниваемся. Наливай!

Харка со своего места не мог видеть всего, что происходило в палатке, но ему показалось, что Рэд наполнил отцу бокал не из того бурдюка, из которого поил воинов. Может быть, мальчик ошибался? Но он как-то не придавал этому особого значения и продолжал следить за развитием событий.

Рыжеволосый передал вождю наполненный до краёв бокал, и тот разом выпил его. При этом выражение лица вождя ничуть не изменилось.

Матотаупа возвратил бокал Рыжему, и тот наполнил его ещё раз и тут же осушил сам. Потом они посмотрели друг на друга вполне спокойно, в здравом уме. Рыжий спросил:

— Ещё один?

— Ещё один, — ответил вождь. — Твоя минивакен имеет особый вкус, но она холодная и свежая, точно её только что зачерпнули из ручья.

— Ты крепкий мужчина, Матотаупа. То, что пили твои воины и выпил ты, — это не вода из ручья. Твои воины, вот те, что лежат здесь, не были бы побеждены водой из ручья.

— Конечно, нет. Тайна твоей воды, оказывается, совсем особенная тайна.

— Вот так-то, вождь.

Матотаупа и вождь выпили ещё по бокалу, и оба рассмеялись. Но вождь по-прежнему смеялся добродушно, а сидящий против него Рэд на этот

раз с каким-то особенным злодством.

— Итак, мы победители, — произнёс Рэд. — И ты увидишь, вождь, что тебе не только не повредит этот напиток, но он сделает тебя завтра вдвое сильнее.

— Хау. Завтра я буду учиться стрелять из мацавакена, а вечером мы ещё раз попробуем силы: кто из нас больше выпьет минивакен.

Матотаупа пододвинул к себе ружьё и стал показывать белому, как он будет его заряжать.

Харка был счастлив.

Опасения Четана и Чернокожего Курчавого были напрасны. Минивакен рыжеволосого не была ядом. Этот напиток отделял слабых от сильных. Стрелок Рэд и великий охотник Матотаупа принадлежат к сильным людям и поэтому могут спокойно пить этот напиток, — они становятся от него только сильнее. Старая Антилопа и другие воины — ничтожество.

Мальчик покинул своё место, и нарушение приказа уже не казалось ему особенно тяжёлым проступком: ведь он теперь знает, что возразить Шонке.

Ещё блестели звёзды и дул ночной ветерок. Тихо покачивался на трофейном шесте мацавакен пауни. Но Харка смотрел теперь на него без особого восхищения: его новое оружие было гораздо лучше и скоро он сможет поупражняться в стрельбе из него. И тогда Матотаупа и Татанка Йотанка

увидят, что юные дакоты не только умеют стрелять, но и попадают в цель.

Харка направился к табуну. Он похлопал по спине своего коня и пошёл в палатку Четана. Харка был совершенно спокоен: ведь то, что он совершил сегодня ночью, имело в его глазах оправдание. Харка опустил на землю рядом с мальчиками и завернулся в одеяло. Когда он проснулся, то не сразу открыл глаза: всё ещё вспоминал охоту на медведя, представил себе Старую Антилопу, сидящего на очаге, рыжеволосого стрелка, помечтал о предстоящем празднике по случаю удачной охоты. И тут вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. Он открыл глаза. Рядом с ним стоял Татанка Йотанка.

Харка похолодел. Он моментально сбросил одеяло, схватил ружьё, которое лежало рядом, и поднялся.

Молча стоял Харка перед великим жрецом и смотрел прямо в глаза ему, пытаясь понять, чего хочет жрец. По слегка опущенным уголкам губ жреца Харка определил, что тот явился не с радостным известием и не для того, чтобы засвидетельствовать своё почтение юному охотнику на медведей. Харка заметил, что в палатке не было ни Четана, ни Курчавого. Не было и Уиноны. Одеяла, которыми покрывались женщины и дети, убраны. Когда же они успели уйти? Неужели он всё это проспал? И чего хочет от него жрец?

Татанка Йотанка сделал еле заметное движение пальцем правой руки. Этот жест говорил: «Иди!» И мальчик подчинился. Как был с ружьём в руках, непричёсанный и неумытый — так и вышел с Татанкой Йотанкой из палатки и пошёл рядом с ним. Он не смёл по сторонам и не хотел никого видеть. А те, кто попадался навстречу, тотчас замолкали, хотя только что говорили и смеялись.

Татанка Йотанка прошёл с мальчиком через площадку и открыл вход в типи. Это была

типи Хавандшиты, перед которой на шесте висел мацавакен пауни. Мальчик вошёл в палатку.

Палатка была пуста. Татанка Йотанка приказал мальчику сесть. Харка повиновался. Также жестами жрец приказал ему оставаться здесь, молчать и не шевелиться.

И мальчик словно превратился в каменное изваяние.

Татанка повернулся и вышел.

Харка остался один.

Он не шевелился. На подогнутых ногах сидел он у оча-

га, в котором остывала зола. Ружьё он положил себе на колени.

В палатку проникало немного света, и Харка мог различить окружающие предметы. Пол палатки был покрыт шкурами, на жердях висели удивительные вещи: шкуры змей и других животных, высушенные жабы, барабаны, маски, колпаки. С раннего детства мальчик был приучен к преклонению перед силой жреца, и мрачное, необыкновенное убранство палатки усиливало в нём чувство нависшей опасности.

Радостный шум в лагере постепенно затих, и его сменил другой, непонятный шум. До Харки доносились отдельные голоса, но слов было не разобрать. Всё громче и громче звучали эти голоса, но не слышно было среди них ни голоса отца, ни голоса белого человека, который принёс мацавакены и минивакен. Скоро отдельные голоса стало невозможно различить, только громкий гул проникал в палатку.

Харка пытался представить себе, чем могут быть взволнованы обитатели лагеря. С наступлением утра должно было обнаружиться позорное поведение Старой Антилопы, Ворона и сыновей Ворона. Харке перестало казаться смешным то, что он видел ночью в палатке отца. Он уже понимал, что необыкновенное поведение воинов, поражённых таинственной водой, — это позор, и догадывался, что это-то событие и вызвало в лагере переполох.

А он, Харка, который всё видел, вынужден сидеть здесь в плену и молчать. И Харка всё больше и больше верил в то, что жрец знает о его ночной вылазке. Порой ему начинало казаться, что оба жреца могут обвинить во всём Матотаупу и рыжеволосого стрелка, — ведь именно они способствовали падению пяти воинов. Страх перед обвинением жрецов глодал мальчика, как червь. Харка уже давно предчувствовал, что Хавандшита задумал что-то недоброе, а теперь, после рассказа Далеко Летающей Птицы, старый Хавандшита представлялся ему в виде злого духа, распростёршегося над воинами и великим охотником Матотаупой. Лишь Татанке Йотанке не находилось места в этом представлении. О великом жреце Харка мог думать только с большим уважением. Не находилось места в его видениях и для Рэда.

И Харка заговорил сам с собой: «Ты должен быть совершенно спокоен. Ты должен прислушиваться ко всему, что ты можешь услышать, будучи пленником палатки жреца. И всё, что ты услышишь и увидишь, ты должен как следует обдумать. Хау».

С этого момента он настроился, как охотник, подстерегающий дичь. Всё должно быть услышано, замечено. И, если потребуется, он должен немедленно действовать. Он напряг слух, пытаясь уловить хотя бы малейший звук, и наконец услышал что-то похожее

на лёгкие удары в барабан.

Мальчик обратил внимание на солнечные лучи, которые падали на землю сквозь дымовой клапан, и, заметив одно из пятнышек света, решил по нему следить за течением времени.

Вскоре негромкие звуки, которые он принял за удары барабана, стихли, и наступила полная тишина. Но вот зазвучала чья-то речь. Стены палат-

ки приглушали звук, и мальчик не мог разобрать слов, но голос был незнакомый. Возможно, говорил Татанка Йотанка. Судя по звуку голоса, дело происходило в одной из палаток. Скорее всего, в палатке вождя. Видно, говорил он громко и настойчиво, иначе совсем ничего не было бы слышно в палатке жреца.

Но вот голос смолк, и наступила тишина. И тут же её разорвал крик. Харка весь сжался и ещё крепче вцепился в ружьё: это кричал отец! И ещё раз прозвучал голос вождя, полный протеста:

— Неправда, неправда, неправда!

«Неправда!»

О, это слово и то, как оно было произнесено, о многом сказали Харке. Отца обвиняли. Обвинение, видимо, было ужасно. Но обвинение было несправедливо. Оно было ложно. Ложно!

Итак, когда Татанка Йотанка пришёл к Харке в палатку, он уже знал, что ему предстоит обвинять Матотаупу. Но, видно, он также знал и о том, что Харка был свидетелем, что его отец выстоял против колдовской воды, иначе ему незачем было бы прятать Харку в палатку жреца. Харку — единственного свидетеля правоты отца!

Неужели и великий жрец — лжец!? Этого не может быть! Нет, этого не может быть!

Кто же ввёл в заблуждение Татанку Йотанку?

Хавандшита? Да, Хавандшита!

Это станет всем известно. Это должно быть известно всем!

Харка ещё раз услышал крик отца, и всё стихло. И снова послышалась чья-то приглушённая речь. Это, наверное, опять Татанка Йотанка. Послышались и другие, злобные голоса, угрозы.

Что же делать!?

Выскочить наружу, выстрелить, привлечь общее внимание и рассказать обо всём, что он видел ночью, чтобы все поняли, что отец невиновен? Чтобы и отец знал, что Харка не верит лживому обвинению...

И Харка уже готов был осуществить своё намерение, как полог палатки раскрылся и вошёл Хавандшита в сопровождении Шонки. Харка рванулся с земли и встретил вошедших стоя, с заряженным ружьём в руках.

Хавандшита и Шонка замерли. Полог палатки за ними опустился. Хавандшита установился на мальчика.

Но Харка не смотрел на жреца, он смотрел на Шонку. Тот слегка расставил ноги, раскрыл рот и опустил голову, словно бык, приготовившийся к прыжку.

— Отдай мацавакен Шонке! — приказал старый жрец сыну Матотаупы.

Харка не двинулся с места.

— Подойди, — сказал Харка своему давнишнему врагу с таким спокойствием, которое насторожило Шонку.

И Шонка заколебался. Хавандшита стало стыдно: уж не подумал бы кто, что он боится мальчишки, и он бросился вперёд, чтобы отобрать у Харки ружьё. Харка, как будто подчиняясь приказу жреца, протянул ружьё Шонке и в то же мгновение нажал на оба курка. Прогревели два выстрела. Шонка отскочил, словно отброшенный ударом, а Харка, не выпуская из рук ружья и боеприпасов, выскочил из палатки.

Снаружи толпились люди, взволнованные происшедшими событиями. Они молчали и не двигались, напуганные выстрелами. Страх парализовал их, и никем не задержанный Харка бросился к палатке отца.

Он вошёл в палатку и остановился.

Огонь в очаге ещё горел, но вместо котла над ним был пустой вертел. Женщин и девушек не было. У очага стоял Матотаупа. Лицо его было смертельно бледно. На полу, у ног вождя, лежали разорванные жгуты из прутьев ивы. На руках вождя ещё виднелись следы веревок.

(Окончание следует)

РАССКАЗ

НА ЗАДНЕЙ парте у окна Орька Кириков показывал новые марки. Перемена была большая, на улице моросил нудный дождь. В коридоре дежурила Татьяна Михайловна, — не побегаешь.

От нечего делать мы разглядывали жёлтых тигров экваториальной Африки, чеканные профили американских президентов и виды черноморских курортов.

К парте подошёл Юрка Блинов, облокотился о наши плечи:

— Это что, марки? Ну-ка, покажи.

Орька только что открыл следующую страницу классера. Там была всего одна марка: по сторонам головы двух лётчиков в форменных фуражках с незнакомыми гербами, между ними странный четырёхлопастный пропеллер и сверху надпись жирными буквами: „LIETUVA“.

Мы не успели как следует рассмотреть эту марку, потому что Юрка сказал:

— Это что за фашисты?

И в следующий момент произошло такое, что мы разом отпрянули от парты, а Николайчик даже ахнул.

Орька резко захлопнул классер, вскочил и коротким тычком ударил Юрку кулаком в лицо. У Юрки звонко лязгнули зубы и голова дёрнулась назад. Несколько мгновений Юрка стоял, закрыв глаза, оглушённый ударом, и на скуле у него вспухали белые отпечатки Орькиных костяшек. Потом открыл глаза, схватился за челюсть и глухим страшным голосом произнёс:

— Ты это что, а?..

— Л...лучше молчи, ес-ли не знаешь, — пробормотал побледневший Орька.

— Ты это что? — повторил Юрка, сжимая кулаки.

— Отойди, Блин! Отойди лучше! — закричал Орька, и лицо у него стало совсем белое, и мы поняли, что сейчас будет такая драка, какой давно не видели в нашей школе.

Юрка перегнулся через парту и ударил Орьку в плечо. Орька вылетел в проход между партами. Волосы у него стояли дыбом, губы стали совсем тонкими, а глаза сумасшедшими.

Что произошло бы дальше, трудно сказать. Но тут от двери раздался голос Татьяны Михайловны:

— Блинов! Это ещё что за безобразие? Идите сюда! Вы меня слышите? Идите сюда!

И она увела Юрку в учительскую.

— За что ты его стукнул? — набросились мы на Орьку, едва только закрылась дверь. — Теперь держись! Ну и даст он тебе после уроков!

Орька хмуро молчал, глядел на нас исподлобья, а потом сказал:

— Идите вы все к чёрту!

И ни с кем не разговаривал до последнего звонка.

А Юрка больше не пришёл в класс. Мы узнали, что завуч послала его домой с какой-то запиской.

ВЕЧЕРОМ я отправился к Орьке. Мне не терпелось узнать, почему он, не любящий драк и немного трусоватый, не побоялся ударить Юрку Блинова, того самого Юрку, которого побавались задевать даже десятиклассники. Неужели из-за какой-то несчастной марки? Правда, Юрка частенько посмеивался над Орькиным увлечением, но чтобы дело дошло когда-нибудь до драки... нет, этого не бывало. Тут что-то другое.

Орька был дома один. Сидел за большим обеденным столом, разложив кругом тетради, и решал примеры, которые нам задали на завтра.

— Ты чего пришёл? — спросил он меня.

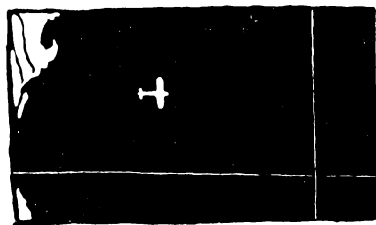
— Поговорить надо.

— Про Блина, да?

— Про Блина. В школу его без родителей не пустят, это ясно. И это — уже второй вызов. А ты знаешь, какой у него отец? Ну вот. Плохо Блину.

— Конечно, плохо, — согласился Орька.

— Надо пойти к завучу и сказать, что начал не Блин. А потом попросить у завуча записку, что родители не

нужно, что Блин не виноват и может приходить в школу.

— Не пойду я к завучу, — сказал Орька. — Начал не я. Начал Блин. Пускай и расхлёбывает.

У меня даже дух захватило от такой наглой лжи. На глазах у шести свидетелей ударить человека, а потом преспокойно заявить, что и пальцем его не тронул! Это было невероятно. И это говорил Орька Кириков, мой друг — с самого первого класса!

— Слушай, Орька. Может, ты скажешь, что и стукнул он тебя первым?

— Нет, — сказал Орька, — стукнул я.

— Так чего же ты болтаешь, что начал Блин? Как же это выходит?

— Вот так и выходит. Фашистами-то он обозвал? Он.

— Тебя, что ли, обозвал?

— Не меня. Дарюса и Гиренаса.

— Кого?

— Дарюса и Гиренаса. Лётчиков, что на марке.

Я вытаращил глаза.

— Они что, твои родственники, что ли?

— Хотел бы я иметь таких родственников, — сказал Орька, — только вот не пришлось...

— Ты, Орька, самый последний дурак. Какое тебе до них дело?

— Какое мне до них дело? — повторил Орька. — Ты хочешь знать, какое мне до них дело?

Он сунул задачник и тет-

радку в портфель и выложил на стол классер. Он открыл его на той самой странице, где за полоску целлофана была вставлена марка с надписью: „LIETUVA“.

— Жаль, что у меня только одна, — сказал он. — В серии должно быть шесть штук. Но ничего, я всё равно достану остальные. Теперь смотри, вот этот справа — Стасис Гиренас, а вот это — Степанас Дарюс. Оба литовцы. Гражданские лётчики. А теперь слушай.

...ЭТО было в 1933 году. В Америке. В Чикаго. Там в одном аэропорту они работали. В Америку-то они попали случайно, в поисках заработка. Но они очень любили свою маленькую Литву и всё время о ней думали. Скучали по ней.

И вдруг в голову им пришла замечательная мысль: надо уехать на родину, но не просто уехать, а так, чтобы прославить Литву, чтобы о них помнили люди, чтобы с уважением произносили их имена. Надо вот что сделать — улететь! Перелететь на одномоторном самолёте Атлантический океан! Сделать такой прыжок, на который не осмеливался ещё ни один человек ни в Европе, ни в Америке.

Стасис и Степанас написали письмо тогдашнему главе литовского правительства, сообщили, что собираются совершить перелёт через океан во славу своей родины; что

в Америке можно купить подходящую машину и что потом, после перелёта, самолёт станет собственностью государства, что необходимую навигационную аппаратуру можно приобрести в Чикаго, и что им нужны только деньги.

Целый месяц ждали они ответа, и вот наконец он пришёл. Премьер-министр тогдашней Литвы писал, что это будет ненужная для маленького государства слава, что Литва и без того имеет авторитет первого европейского поставщика свинины и бекона, и что этого ей достаточно, и никаких денег на самолёт и на всякие безумные идеи правительство и не подумает выделять. Вот если в Америке можно купить породистых свиней, тогда другое дело...

В общем, Стасис и Степанас плюнули на официальные переговоры с правительством и решили действовать своими силами.

Через газеты они обратились ко всем литовцам, проживающим в Соединённых Штатах, и рассказали им о своих планах.

Они ничего не просили, они только говорили, что перелёт возможен, нужны только решимость и, конечно, хорошее оборудование.

Эмигранты сразу поняли всё. Они тоже любили свою потерянную родину, тоже

скучали по ней, мечтали увидеть её когда-нибудь красивой, гордой и сильной. И они желали ей славы, ибо слава никогда не бывает ненужной. Они объявили подписку в пользу Дарюса и Гиренаса, и вскоре специальная делегация американских литовцев передала собранные деньги лётчикам.

Среди эмигрантов не было богачей, поэтому денег ока-

залось не так уж много. Их не хватило на покупку хорошей новой машины. Пришлось купить старый, налетавший уже

много миль самолёт. Он был одномоторный, с обшарпанным корпусом и вмятинами на крыльях, но он был надёжным. За всю свою жизнь он ещё ни разу не потерпел аварии. Его покрасили в светло-зелёный цвет, — цвет весны и надежды, — и Стасис Гиренас собственными руками счистил старое имя машины и написал на борту новое — «Литуаника» — в честь крошечной страны, лежащей на востоке, за океаном.

Оставшихся денег едва хватило на продукты и на пятьдесят канистр с бензином, которыми заполнили весь фюзеляж. Ни о каких приборах уже не могло быть и речи.

Падкие на сенсации репортёры маленьких крикливых газет крутились возле

лётчиков, но Дарюс и Гиренас молчали. Что толку говорить сейчас? Говорить можно будет тогда, когда закончится перелёт.

Всё-таки газетчики раз узнали, что «Литуаника» не оборудована необходимыми для такого полёта приборами. И сейчас же начался визг.

«В последний момент они откажутся от этой безумной затеи». «Неоправданный риск». «Один шанс против пятидесяти». «Только сумасшедший решится лететь через Атлантику без бортовой радиостанции и аэронавигационных приборов». «Безумный прыжок в смерть». Так писали газеты. Но не все. Некоторые называли Дарюса и Гиренаса героями, а перелёт — событием столетия.

Тем временем лётчики перегнали «Литуанику» из Чикаго в Нью-Йорк и приступили к окончательной проверке и регулировке двигателя. Предстояли целые сутки дёта над океаном, где на сотни километров кругом только вода и вода, равнодушная и холодная, и ни одного клочка суши. Если двигатель в это время откажет — значит, конец всему. И лётчики запускали мотор, выслушива-

ли его, опять останавливали, подтягивали регулировочные гайки клапанов, проверяли расход бензина и нагрев отдельных частей.

А телеграф и радио уже перенесли необычную весть в Европу, и в Европе её встретили так же, как и в Америке: скептики сомневались, деловые люди пожимали плечами, а романтики верили. И особенно верили, что прыжок через океан будет удачным, в Литве.

Наконец наступил день 15 июля 1933 года. На одном из нью-йоркских аэродромов большая толпа репортёров, авиамехаников и просто зевак провожала хрупкую светло-зелёную машину. Никто не говорил никаких речей, не гремела торжественная музыка, и отбывающим не дарили цветы. Всё было короче и проще. Отсалютовав рукой собравшимся, Стасис Гиренас сел на переднее сиденье и положил рядом с собой термос с горячим кофе. На заднем сиденье устроился Степанас Дарюс. Несколько мгновений тишины над взлётной полосой, потом громкий возглас запускающего: «Контакт?», ответ Стасиса: «Есть контакт!», и рез-

кий треск двигателя, сразу же перешедший в ровное мощное гуденье, заглушил всё. Ветер пошёл от винта по траве. Полетели, подпрыгивая и смешно кувыркаясь, сдутые с голов шляпы, репортёры приникли к своим аппаратам, и стартовый переди уже поднял вверх флажок в чёрную и белую клетку. «Литуаника» вздрогнула и сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее показилась по дорожке и наконец оторвалась от земли.

ВПЕРЕДИ лежал ещё никем не пройденный путь длиною в шесть с половиной тысяч километров.

У них не было радиостанции, и они не слышали голосов земли. Они не знали, что там, внизу, с каждым часом у них появлялось всё больше друзей и что друзья неотрывно следят за зелёной машиной. Капитаны кораблей, находившихся на трассе полёта, радиовали друг друга: «Только что видел «Литуанику». Идёт курсом нордост, ближе к осту. У них, кажется, всё в порядке»; «Прошли над моим судном в 20 часов 22 минуты по Гринвичу. Всё хорошо». А один капитан в конце радиограммы добавил: «Дай бог им удачи».

Моряки знали отлично, как ково быть в океане с простым компасом, старенькой морской картой и наручными часами вместо хронометра.

Потом наступила ночь, и самолёт исчез в ней, и казалось, он больше уже не вынырнет из темноты.

Но утром один из английских капитанов увидел его в двухстах пятидесяти милях от побережья Ирландии. Значит, он прошёл сквозь ночь и миновал самую пустынную часть океана. Значит, он пролетел почти половину пути. Позади остались шквалы, оледенение и упорный юго-восточный ветер, сносивший машину с курса. Это была почти победа!

В полдень он прошёл над Шотландией, над Эдинбургом, в шесть часов вечера его видели над Бременом, а в девять — над Штеттином, и везде люди, которые слышали о двух смельчаках, показывали тем; которые не знали, на невысоко летевшую зелёную машину и улыбались. Потому что это была не только победа двух литовских лётчиков над пространством, это была победа человечества.

В Каунас «Литуаника» должна была прилететь на рассвете 17 июля. Но уже с вечера на аэродроме собралась огромная толпа. Люди приезжали за десятки километров, чтобы приветствовать земляков, со славой возвращающихся на родину. Телеграфисты маленьких немецких городов, над которыми пролетали Стасис и Степанас, сразу же пытались по прямому проводу связаться

с Каунасом и передать несколько радостных слов.

Четыре часа утра семнадцатого июля. Лётное поле похоже на громадный цветник — так много букетов принесли сюда женщины, разодетые в яркие национальные костюмы. Люди ждут. Все смотрят на запад, туда, откуда должна появиться «Литуаника». Но её ещё нет. Вот сейчас... Вот ещё несколько минут, и...

Пять часов.

Шесть.

Семь.

«Литуаники» нет. И нет больше никаких сообщений из городов, над которыми она должна была пролетать.

Толпа понемногу начинает расходиться. Остаются самые упорные. Они ждут до полудня. А в два часа дня приходит телеграмма из немецкого городка Солдин:

«Семнадцатого июля в три часа сорок минут по средне-европейскому времени аэроплан под названием «Литуаника», пролетая над рабочим лагерем «Берлинхен», неожиданно потерял высоту и врезался в лесной массив вблизи города. Машина и пилоты погибли. Скорбим о случившемся».

ЗНАЧИТ, мотор у них всё-таки отказал? — не выдержал я.

— Подожди, я ещё не всё рассказал! — огрызнулся

Орька. — Какой там мотор! Мотор работал до конца, как часы. И они долетели бы до места и были бы живы до сих пор. Их просто... убили.

— Ты что, сумасшедший? Кто мог их убить?

— Фашисты, — тихо сказал Орька.

— Но ведь они летели. Как же они могли их...

— Из зенитного пулемёта, — сказал Орька. — Из тяжёлого зенитного пулемёта.

Я ошеломлённо взглянул на Орьку:

— Подожди. Ты что-то путаешь. Этого не может быть! Никакой человек не

осмелился бы...

— Такие люди нашлись, — сказал Орька.

— А откуда известно, что их сбили фашисты? Что они, сами рассказывали?

— Наоборот, они всеми силами старались замолчать эту историю. И им удалось это. В литовских газетах было напечатано официальное правительственное сообщение, что «Литуаника» в условиях резко ухудшившейся видимости потеряла ориентировку, потом высоту и разбилась. И так бы считали все до сих пор, если бы только не было на свете дотошных людей. Уже после войны, через тринадцать лет, разбирая фашистские архивы, попавшие в руки Советской Армии, военные истори-

ки нашли кое-какие документы. И оказалось, что рабочий лагерь «Берлинхен» на самом деле был никакой не рабочий, а концентрационный. И начальник охраны этого лагеря 17 июля 1933 года в отчёте своему командованию написал следующее:

«Сегодня мною во втором охранном подразделении были проведены ночные учебные стрельбы из тяжёлых пулемётов, максимально приближенные к боевой обстановке. В качестве мишени был использован неизвестный самолёт, не ответивший на наш радиозапрос. По окончании стрельб я со своим заместителем посетил место падения самолёта. Мы установили, что это была одномоторная двухместная машина типа моноплан, американского образца. Полагаю, что мои действия оправданы тем, что двухкилометровая полоса вокруг лагеря, а равно и воздушное пространство над ним считаются запретной зоной.

Следует отметить, что зенитчики вверенного мне подразделения показали отличную боевую подготовку и уверенное владение техникой».

Вот такую историю рассказал мне Орька в тот вечер. Мы долго сидели молча, глядя на марку в классе. С марки на нас смотрели Дарюс и Гиренас. Лица у них

были спокойные и немного усталые, будто они только что закончили рейс и вышли из самолёта. Но между ними чернел крест из двух положенных друг на друга пропеллеров, а ниже креста художник нарисовал два подломленных орлиных крыла.

— Ты говорил, что их шесть штук в серии. А что нарисовано на других пяти? — спросил я.

Орька достал из шкафа каталог и разыскал нужную страницу.

— Вот, посмотри.

На первой марке серии были изображены карты североамериканского и европейского побережий, а между ними, над волнами Атлантики — летящая «Литуаника». Вторую марку я уже знал. А на третьей была нарисована высокая фигура ангела смерти в длинном чёрном хитоне, широко рас-

простёршего крылья над обломками сгоревшего самолёта.

— Остальные три с такими же рисунками, только другого цвета.

Эти марки очень

трудно достать, потому что их мало выпущено, — сказал Орька.

— Откуда ты всё это знаешь? — спросил я.

— Мне рассказал Алексей Николаевич Гуковский, заведующий музеем. Помнишь? Мы у него были однажды.

Да, Гуковского я помнил. Он знал тысячи разных историй о марках и мог их рассказывать без конца, и слушать его можно было тоже без конца.

— Понимаешь, когда Блин назвал их фашистами... я просто не мог... что-то во мне оборвалось и... и я сам не знаю, как всё получилось...

— Он ничего не знал про марку. Если бы знал, не сказал бы.

— Всё равно... у него это дурная привычка — к месту и не к месту ляпать это словечко. Я этого терпеть не могу.

— Просто он дурак. А папень всё-таки хороший.

Мы долго думали, как сделать, чтобы не вызвали Юркиных родителей. Наконец Орька сказал:

— Выходит, всё-таки я виноват. Если бы Юрка знал... В общем, завтра я иду к завучу и расскажу про всё. Про марки, про «Литуанику» и про то, как я стукнул Юрку... Только вот... Юрка меня всё равно где-нибудь поймает и отколотит.

— Не отколотит, — сказал я. — Надо и ему тоже рассказать про «Литуанику». И тогда он не отколотит.

— Знаешь, как сделаем? — обрадовался Орька. — Вот будет здорово! Я буду завтра рассказывать завучу, а ты расскажешь Блину. А потом, когда ты расскажешь, я подойду к нему и мы помиримся. Идёт?

— Идёт! — сказал я.

На другой день в школу мы шли вдвоём, и настроение у нас было отличное. Мы уже подходили к школьной ограде, как вдруг кто-то разом хлопнул нас по плечам. Мы обернулись. Перед нами стоял Блин.

— Ну-ка, иди сюда на пару слов! — сказал он Орьке, а на меня даже не обратил внимания.

Они прошли вперёд. Я отстал от них на три шага и прислушался.

— Ты на меня не злился, — сказал Блин. — Я против тебя ничего не имею. Ну? Дай пять!

И я увидел, как он протянул Орьке руку.

— Просто я ничего не знал про «Литуанику», — сказал Блин.

Орька обалдело посмотрел на него и сказал:

— А теперь знаешь?

— Знаю.

— Откуда?

— Помнишь, когда меня завуч увела в учительскую? «Из-за чего у вас драка?» — спрашивает.

Я молчу. А сам думаю — что же это за марка такая, из-за которой ты так расвирепел? «Так вы ничего не скажете, Блинов?» — «Ничего», — говорю. Тогда она садится за стол и пишет записку. «Вот, — говорит, — передайте вашему отцу. Постарайтесь, чтобы он зашёл ко мне сегодня же. Идите к нему на работу сейчас». Что делать? Я пошёл. Конечно, не удержался, заглянул в

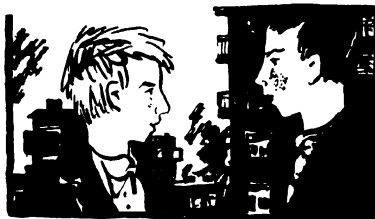
записку. А там написано: «Уважаемый Павел Васильевич! Помните, Вы обещали школе грузовик на два рейса для перевозки

парт? Мне не удалось дозвониться к Вам на работу, поэтому посылаю Юрия. Хочется, чтобы Вы зашли в школу до трёх, чтобы мы сумели договориться насчёт дня перевозки».

Ну, я прилетел к отцу, сунул ему записку и опять в город. Дай, думаю, забегу в музей, к Гуковскому, спрошу у него про марку. Я ему растолковал, как она выглядит, и он сразу догадался. «А, — говорит, — это «Литуаника»! Очень грустная марка». И рассказал мне про неё всё. И тогда я понял, за что ты меня стукнул. Вот. Так что ты не злился, ладно?

— Ладно, — пробормотал Орька, ожидавший совсем другого. — И ты на меня тоже не злился.

Юрка сунул руку во внутренний карман пиджака и

вынул небольшой прозрачный конвертик.

— На́ возьми, — протянул он конвертик Орьке. — Это тебе.

Тут я не выдержал и подошёл к ним.

Орька держал в руке целлофановый пакетик, сквозь который просвечивал высокий ангел смерти, широко распростёрший чёрные крылья над обломками самолёта.

— Мне? — едва слышно пробормотал вконец растерявшийся Орька. — Это мне? Зачем?

И вдруг, присмотревшись, вскрикнул:

— Юрка! Блин! Где ты её достал? Где?!

— Гуковский дал. «Это, — говорит, — очень похвально, что вы интересуетесь марками. И уж коли мы заговорили о «Литуанике», я вам подарю кое-что. Есть тут у меня дубликат...» Достал из альбома эту марку и дал. А я марки-то не собираю...

Сегодня в нашей «Стране коллекционирования» — рассказ об одной удивительной коллекции.

Тысячи людей собирают марки, монеты, открытки... А вот Александр Борисович Белавин коллекционирует... перьяшки. Думаете, это не интересно? Очень интересно! Читайте — и убедитесь сами.

АВТОРУЧКА есть у каждого из вас. Ну, может быть, не авторучка, а простая, но всё равно есть. Без неё не пойдёшь в школу и не приготовишь дома уроков.

Возраст авторучки невелик. На свет она появилась всего несколько десятков лет назад. До этого писали стальными перьями, далеко не «вечными». Они быстро снашивались; их приходилось часто менять, вталкивая во вставку.

Школьники употребляли перья «№ 86», «пионер», «уточка». Кроме этих было много и других перьев. Ребята собирали перьяшки, играли в них, как в фантики.

Старый ленинградец Александр Борисович Белавин — гидрограф. Он принимал участие в составлении многих карт, необходимых для мореплавания. В детстве он тоже увлекался игрой в перьяшки. Для игры выбирал самые оригинальные

перья и сохранял их. За полвека он собрал 1200 всевозможных стальных перьев. Подобной коллекции нет ни у кого в Советском Союзе.

Здесь можно увидеть, какими перьями писали прежде не только в нашей стране, но и во Франции, Чехословакии, Болгарии, Польше, Югославии, Германии, Индии.

В особой коробочке лежит перо великан, длиной в половину авторучки. Оно изображает острое перо. Это старейшее в мире стальное перо изготовили в двадцатых годах прошлого века английские мастера.

В то время металлическое перо было диковинкой. Приезжая в гости к русскому царю, заморские послы дарили ему такие перья как редкую драгоценность.

Не было металлического пера и у нашего великого русского поэта А. С. Пушкина. Он писал свои произведения птичьими перьями. Самым популярным среди них было гусиное: его срезали наискосок, заостряли и расщепляли надвое. В канцеляриях были особые приспособления для превращения гусиных перьев в писчие.

Почти тысячелетие служило человеку для письма гусиное перо. Век стального пера оказался куда

короче: оно появилось в начале минувшего столетия и уже на наших глазах его вытеснила шариковая авторучка.

Коллекционеру удалось разыскать 30 старейших английских перьев. С годами перья совершенствовались. Их стали изготавливать многие предприниматели в разных странах. Фирмы, выпускавшие стальные писчие перья, состязались между собой в изобретательности. Кто кого переunggоляет оригинальностью писчего пера?!

Коллекция знакомит нас с перьями, украшенными портретами Пушкина, Гоголя, Тургенева, Шекспира, Гейне, композитора Листа, французского полководца Наполеона; с перьями, выпущенными в честь 200-летия основания Петербурга, в честь реформы освобождения крестьян в России, войны на Балканах и по целому ряду других событий.

И каких только нет в этой коллекции «пёрышек»! Одно изображает кулак с вытянутым вперёд указательным пальцем; другое — медальон. А вот перо с крошеч-

ным стеклянным чернилодержателем — прабабушка современной авторучки. Им можно было, обходясь без чернильницы, писать непрерывно... полчаса. Тогда не подозревали, что перьевая авторучка заряжается на несколько дней, а шариковая — оставляет на бумаге тёмную линию длиной в километр.

Большим спросом пользовались перья «рондо». Они выпускались с остриём разной величины, от одной пятой до двух с половиной миллиметров. В государственных учреждениях Германии до 1916 года разрешалось писать только перьями «рондо». В коллекции Белафина об-

разцы всевозможных «рондо» составили целый стенд.

До того как изобрели пишущую машинку, все государственные документы заполнялись от руки. Тут уж нельзя было выводить каракули или ставить кляксы! Государственный документ требовал умения писать красиво, разборчиво и аккуратно.

Появилась каллиграфия — наука о ручном письме. Коллекция Белафина демонстрирует, какими разнообразными перьями пользовались мастера каллиграфии для медленного письма и для быстрого: искривлёнными вправо или влево, в зависимости от привычки писца держать вставочку; перьями, оставляющими на бумаге двойную и даже тройную линию.

А. КИРИЧЕНКО

Я Р И С У Ю

весомо
и озарит небеса!

ДЕТИ, КОТОРЫЕ НЕ ГОВОРЯТ ПРАВДУ

Французская сказка

Один крестьянин послал своего сына пасти овец. Мальчик не успел ещё дойти до стада, как повернулся и побежал домой:

— Отец, отец! Быстро доставай ружьё! Я только что видел зайца, который был величиной с лошадь!

— Заяц ростом с лошадь? — спросил отец. — Я сомневаюсь...

— Ну, хорошо. Может быть, не с лошадь, но уж, конечно, не меньше быка!

— Не меньше быка? — удивился отец. — Я сомневаюсь...

— Уж во всяком случае не меньше телёнка! — закричал мальчик.

— Телёнка? Я сомневаюсь в том, чтобы...

— Ах, какой ты! Это был заяц ростом с овцу!

— Ростом с овцу?

— И никак не меньше ягнёнка!

— Никак не меньше ягнёнка?

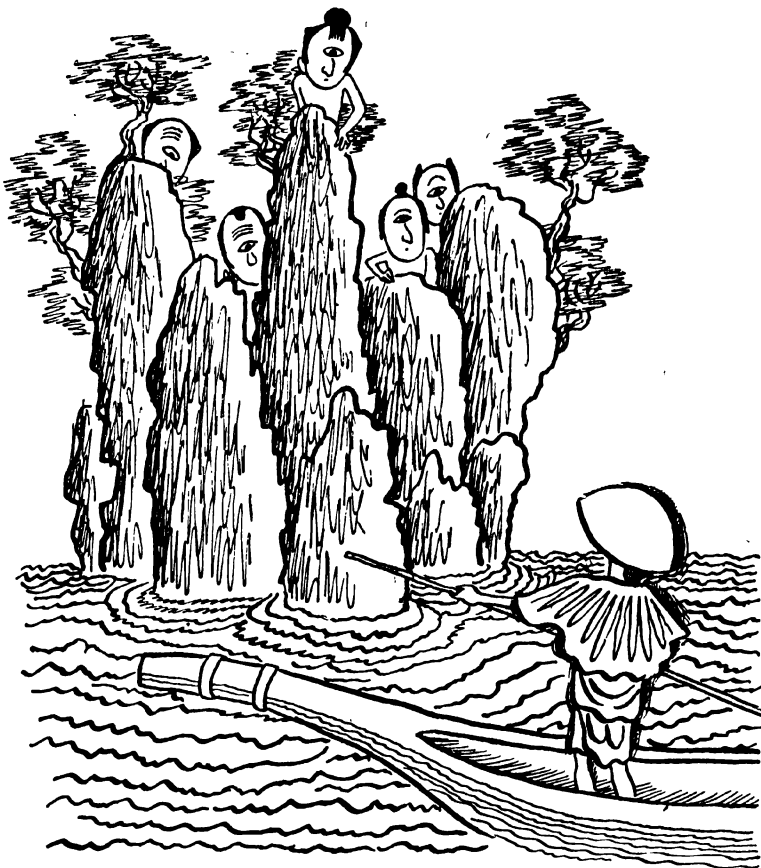
— По крайней мере, его можно сравнить с кошкой!

— Сравнить с кошкой? Ну, что же...

— Ну, уж не меньше мыши!

— Заяц как мышь?
— Ну, может быть, не как мышь, но всё же не меньше мухи!

— Заяц величиной с муху? Думается мне, что ты, сынок, ничего не видел! Иди-ка ты обратно пасти овец.

НЕОЖИДАННОЕ СЧАСТЬЕ

Японская сказка

Жил-был один человек, который, ну, ничего не делал, а только всё ждал и ждал, надеялся и надеялся, что вдруг придёт к нему счастье и тогда уж он станет богатым, ну, даже ничего не делая.

И тот человек жил и жил, пока однажды не услышал он о том, что вот, мол, есть

в море остров, а на острове том одни одноглазые люди живут, ну, просто одни одноглазые.

«Наконец-то! Вот моё счастье! — подумал человек. — Я поеду на этот остров, поймаю там за воротник одного одноглазого, привезу его сюда и буду показывать на базаре за самую мелкую мо-

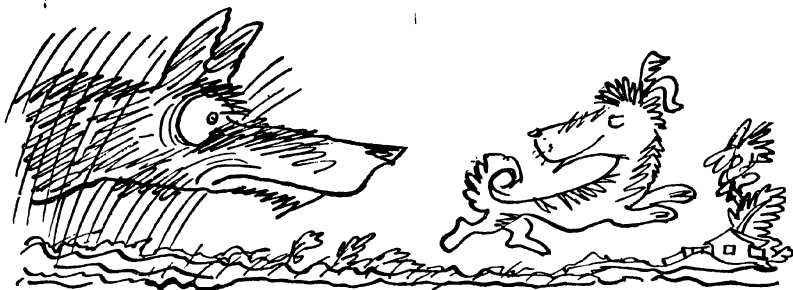
нету! Хочешь посмотреть — плати! И через шесть с половиной минут я буду богатым, ну, очень богатым человеком!

И чем больше он думал об этом, тем больше ему хотелось отправиться на остров. И наконец он решился. Он продал всё, что было у него, купил лодку и отправился в путь. И ничего нет удивительного в том, что он доплыл до острова, где жили одни одноглазые, ну, просто одни одноглазые. И когда наш путешественник ступил на берег, то сразу же понял, что попал туда, куда хотел.

Но, конечно же, одноглазые заметили, что появился человек, у которого было два, целых два глаза. И вот несколько одноглазых собрались и стали говорить:

— Наконец-то! Вот наше счастье! Давайте схватим его и будем показывать на базаре за самую мелкую монету! Хочешь посмотреть — плати! И через шесть с половиной минут мы станем самыми, ну, очень богатыми людьми!

Так они и сделали. Схватили нашего мечтателя за воротник и потащили на базар. И показывали его за самую мелкую монету. За одну-единственную монету.

ВОЛК И СОБАКА

Сербская сказка

Однажды волк встретил собаку и сказал ей:

— Давай поменяемся. Ты мне дашь своё чувство обоняния, а я тебе — быстроту своих ног.

Конечно же, собака согласилась, и волк отдал ей быстроту своих ног. И как толь-

ко собака получила это, она сразу же бросилась бежать, и волк не мог её догнать, потому что отдал быстроту своих ног собаке. С тех пор у него не только нет обоняния, но и бегаёт он гораздо медленнее, чем собака.

КУВШИН С МАСЛОМ

Персидская сказка

Жил однажды человек. Это был бедный-бедный человек. Он был такой бедный, что другие люди ему всё время помогали. Они давали ему хлеб, мёд и масло, подсолнечное масло. Он съедал хлеб и мёд, а так как на масле ему нечего было жарить, то масло он оставлял. И наконец получилось так, что у него оказался целый кувшин масла. Тогда человек стал

думать, что ему сделать с маслом.

«Я могу продать масло, — думал он, — и купить овцу. У овцы будут ягнята. А когда ягнята вырастут, у них тоже будут ягнята, и таким образом вскоре у меня будет целое овечье стадо. Затем я куплю дом и много рабов и женюсь на дочери царя. Я устрою такой свадебный пир, что весь мир узнает об этом.

Я куплю много-много конфет. Я куплю много-много цветов. Музыканты будут играть на моей свадьбе. Я приглашу бедных и богатых. Я перестану быть бедным. У меня родится сын. Я буду воспитывать и учить его. Если он будет меня слушаться, то я ему куплю всё, что он пожелает, если же не будет слу-

шаться, то я возьму палку и накажу его!»

Человек взял палку и хотел было показать, как он накажет сына, но нечаянно задел кувшин. Кувшин свалился с полки, и всё масло вылилось на голову человека. Вот как бывает!

Пересказал
И. ФАХРУТДИНОВ

* ~~~~~ *

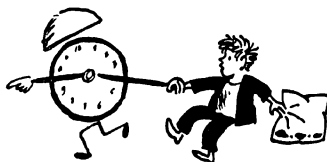
НЕСКОЛЬКО УЛЫБОК

МАМА. Ты невыносим, сын! Ты совершенно не слушаешься! Из-за тебя я поседела.

СЫН (подумав). Ты тоже не была послушной, мам, когда была маленькой. Вон бабушка — вся седая.

МАМА. Ты видела меня когда-нибудь с такими грязными руками, как у тебя?

ДЕВОЧКА. Я же тебя никогда не видела, когда ты была такой маленькой, как я.

УЧИТЕЛЬ. Ты опять опаздываешь, Жан! Уже 20 минут девятого!

ЖАН. Это ничего, господин учитель, мама говорит, что вся жизнь у меня впереди.

ЖАНО. Папа, ты считаешь, что это правильно, когда тебя наказывают за то, чего ты не сделал?

ПАПА. Ну, конечно, нет.

ЖАНО. Так вот, учитель меня наказал за то, что я не сделал урока.

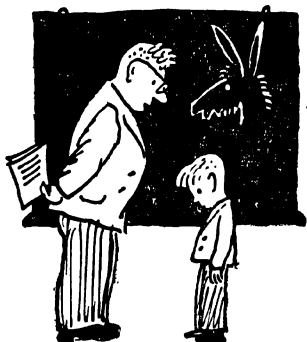
МАТЬ (читая табель сына). Тебе не стыдно быть последним в классе, где 28 учеников?

ЖАНО. Могло быть хуже...

МАТЬ. Как?

ЖАНО. Представь себе, что в моём классе было бы 40 учеников.

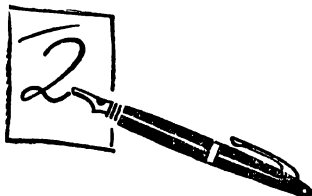
* * *

ОТЕЦ (который помог сыну сделать домашние задания). Какие замечания сделал тебе учитель, когда ты ему показал перевод?

МАЛЬЧИК. Он сказал, что я становлюсь глупее с каждым днём.

* * *

— Папа, ты помнишь, что обещал мне подарить свою авторучку, если я получу хорошую отметку? Так вот, тебе везёт... ты сможешь сохранить для себя свою авторучку.

* * *

— Дядя, почему ваша шевелюра совсем белая, а ваша борода ещё чёрная?

— Это естественно! Моя шевелюра старше моей бороды на 20 лет.

* * *

МАТЬ. Твой друг Шарло негодный мальчишка. Его видели, как он привязывал кастрюлю к хвосту кота. Я надеюсь, что ты неспособен на такую жестокость.

ПОЛЬ. Нет! Конечно, нет! Никогда!

МАТЬ. Что же ты не помешал ему так поступать?

ПОЛЬ. Я не мог, мама, я был занят... Я держал кота.

* * *

— Того, я запрещаю тебе играть с Жожо, он невоспитанный мальчик.

— Хорошо, тогда Жожо будет играть со мной, я ведь воспитанный мальчик.

* * *

— Твой братик умеет уже говорить?

— Нет, но ему этого не надо. Ему достаточно заорать, и он получает всё, что он хочет.

Р В С в П У Т И

(К фотографиям на 3-й странице обложки)

ГОРОД революции, город воинского подвига, город тружеников и умельцев — Ленинград. Тесно переплелись, неразделимы здесь дороги революционной, боевой и трудовой славы.

Идут по этим дорогам красные следопыты. Ищут следы минувших событий — забытых и полузабытых, а то и вовсе неизвестных до сих пор... Из рук в руки передают они по дружинам Ленинграда и Ленинградской области эстафету РВС — «Революционер. Воин. Строитель». Так готовит наша пионерия свой общий большой подарок к празднику 50-летия Советской власти.

Позади два года поисков. О том, что узнано, что сделано, рассказывают нам сегодня передвижной музей РВС, школьные уголки и музеи.

Вечный огонь на Марсовом поле. Он зажжён в память о борцах революции. Сюда приходят отметить важные события в своей жизни пионеры Ленинграда.

Даже тем, кто никогда не был в Ленинграде, кто живёт за тысячи километров от нашего города, знакома эта площадь и эта величественная арка. Отсюда шли на штурм Зимнего дворца красные отряды в октябре 1917 года.

Почти полвека спустя по той же самой мостовой промчался бронетранспортёр. Ехали на нём пионеры Калининского района Ленинграда. Ехали в город Пушкин, чтобы передать туда эстафету РВС. И конечно же, путь их лежал через знаменитую Дворцовую площадь.

А эти ребята — из Ленинского района — выбрали другой маршрут: по местам, где жил и работал Владимир Ильич Ленин в 1917 году. О том, как вожь революции вернулся из-за границы в Петроград, рассказал им старый коммунист А. А. Рышко. Адольф Августович — шофёр. Он отлично знает улицы города, но эти ему особенно памяты: ведь он возил по ним в автомобиле Владимира Ильича! Вот к этой парадной на бывшей Широкой улице (теперь улица Ленина) подавал он автомобиль для Ильича. Ленин выходил из дома, садился в машину и ехал в Петроградский Совет или на заводы, в солдатские казармы или в типографию. Время было горячее — канун пролетарской революции, и вожь партии трудился необыкновенно напряжённо. (Фото внизу.)

Реликвии музея РВС: 1. Грамота. Во время своих поисков красные следопыты школы № 1 города Ломоносова познакомились с Петром Константиновичем Кабинетским. Он рассказал, как 45 лет назад шёл по льду Финского залива на штурм мятежного Кронштадта. «За отличие в бою против врагов Социалистического отечества 17 марта 1921 года у Кронштадта награждён орденом боевого Красного Знамени...» — написано в грамоте. Она хранится теперь в музее РВС. 2. Удостоверение Ивана Ивановича Газа — путилевского рабочего, большевика, комиссара — передали в музей красные следопыты 278-й школы Ленинграда.

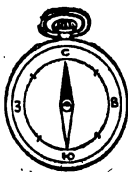
На родину напали фашистские орды. Среди тех, кто сражался с врагом, был Владимир Андреевич Мартынов, лужский партизан. Миновали годы. По боевым тропам прошли красные следопыты города Луги, создали музеи, посвящённые патриотам. Бывший партизан В. А. Мартынов открывает такой музей. (Снимок в центре.)

Немало дней прошло с того морозного дня, как принимали эстафету пионеры 142-й школы (снимок слева, второй снизу). Но тот день помнят, поиски продолжают с утроенной энергией. За это время дружина собрала материалы о подвиге Д. М. Карбышева, добилась права носить его имя.

А это что? Какой-то развернутый рулон с записями, снимками, рисунками... Тоже реликвия РВС? Нет. Но путешествует вместе с музеем. Это свиток — рапорт тех дружин, где эстафета побывала. В него записывают самое значительное, самое достойное из того, чем живёт дружина.

Совсем недавно собирались в Москве на свой первый слёт участники похода по дорогам революционной, боевой и трудовой славы. В будущем году такой слёт будет проходить уже в нашем городе. Участники РВС, красные следопыты, разведчики похода боевой славы достойно встретят этот слёт.

Короткие заметки

Небывалый случай произошёл в Охотском море с советским рыболовным траулером «Аметист». Когда судно легло в дрейф, а экипаж готовился к ночному промыслу, возле корабля появился сивуч (один из представителей ушастых тюленей).

Около двух часов ночи зверь весом около тонны с рёвом набросился на судно. Удары по корпусу траулера следовали один за другим. Через некоторое время действия зверя приняли угрожающий характер. Приподняв из воды своё тело, сивуч зацепился передни-

СИВУЧ НАПАДАЕТ НА... ТРАУЛЕР

ми лапами за фальш-борт, затем подтянулся, и треть его туловища оказалась на судне. Находившиеся на палубе рыбаки кинулись задраивать двери и люки.

Висевший на борту зверь с рёвом вертел усатой головой. Затем ластоногий с шумом плюхнулся в воду и через несколько минут исчез.

Случай, свидетелями которого стали моряки «Аметиста», действительно редкий. Тюлени отличаются миролюбивым характером, кроме того, они очень ленивы. Все попытки приучить этих интересных морских животных выполнять хотя бы несложные команды человека оканчивались неудачей. Нападавший на корабль сивуч, очевидно, был изгнанным из стада бродягой.

ИСПОЛИНСКАЯ ОСИНА

«Гнилая», «мелкорослая» — эти слова давно уже стали синонимами осины. Но в Обоянском лесхозе Курской области этому дереву присвоили имя «исполинская». И не случайно.

Небольшая роща интересного вида осины была обнаружена несколько лет назад в лесном урочище недалеко от районного центра города Обоянь. Ствол растущей там осины на 6—7 метров выше, чем у обычной, и почти вдвое толще. Стройные стволы осин имеют правильную цилиндрическую форму. Растёт дерево в полтора раза быстрее обыкновенного и к 20 годам достигает 20 сантиметров в диаметре.

Исполинская осина не страдает загниванием сердцевины.

САМОЛЁТ САДИТСЯ НА... КРЫШУ АВТОМОБИЛЯ!

Небольшой туристский самолёт идет на снижение. Вот уже несколько метров отделяют его от полотна шоссе и дороги. Самолёт планирует и... опускается на крышу автомашины, несущейся со скоростью 90 километров в час.

Французскому лётчику Жану Фаллу, дважды осуществившему подобную посадку на специально оборудованную для этой цели крышу легкового автомобиля, и его партнёру — водителю автомашины понадобилось немало времени, чтобы добиться полной слаженности в действиях.

ГРОМИТЕЛЬ СОМОВ

Счастливым ловцом сомов является Альфред Кржиковский — житель польского города Щецина. В июне 1966 года на Мало-Дабском озере, производя лов спиннингом со шлюпки, он поймал сома весом 40 килограммов и длиной 162 сантиметра.

Кржиковский имеет большой опыт в рыболовстве. Ему часто сопутствует удача, особенно на ловле сомов. Однажды в течение двух часов он 8 раз имел на удильце сомов, причем 3 штуки весили 26, 22 и 16,5 килограмма.

Своим рекордом «громитель» сомов считает поимку в 1938 году сома весом 148 килограммов.

...на Кольском полуострове, на открытых ветру склонах, встречаются странные ели с флагообразными кронами? Это ветер так изуродовал их. Снежинки во время позёмки бьют и бьют по коре дерева, где уж тут расти ветнам! Зато внизу у однобокой ели, словно юбка, густо раскинулись округовую ветки. Этим, нижним, ветер не страшен: они прячутся под снегом.

★
...индейцы разных племён могут объясняться друг с другом с помощью «языка жестов»? Различные движения одной или обеих рук либо соответствуют какому-то короткому предложению, либо выражают определённую мысль. С помощью «языка жестов» они могут сообщить не только какой-то факт, но и выразить чувства печали, радости, восхищения!

★
...ежегодно в мире публикуется около трёх миллионов статей и печатается до 600 миллиардов страниц технической литературы? Это примерно составляет 100 тысяч томов, по 600 страниц в каждом. Для хранения этой литературы потребовалась бы полка длиной более 300 километров.

★
...берёза одно из самых жизнестойких деревьев? В средней полосе она ветвиста, кудрява. В лесотундре — небольшая, строем ветвей и ствола напоминает яблоньку или вишню. Ещё дальше на север — превращается в стелющийся кустарник. Голубой не голубой, черничник не черничник прячется в лишайниковом покрове. Листики уменьшились до размера однокопеечной монеты. Попробуй узнай!

★
...в Белом море есть бурозелёные водоросли — фукусы? Они интересны тем, что на стебле имеют ряд утолщений. Такие же, похожие на плоды шиповника, шишечки венчают отдельные ветви. В «шишечках» нет семян, там только воздух. Благодаря своеобразным воздушным утолщениям водоросли держатся в воде вертикально. Корнями фукусы прикрепляются к камню. Если куст сильно разрастается, а камень небольшой, водоросли всплывают. Камень конечно, возвращается почти сразу на дно, а фукусы плавают до тех пор, пока прилив не выкинет их где-нибудь на берег.

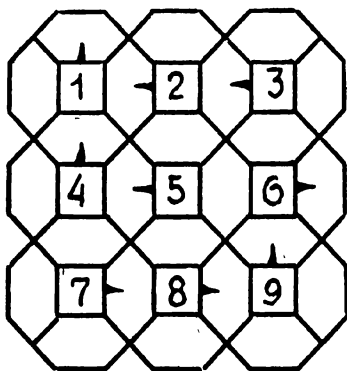
★
...шум городов за последние тридцать лет удвоился? К такому выводу пришли учёные Французской медицинской академии. Английские медики установили, что в Великобритании один из четырёх мужчин и одна из трёх женщин больны неврозом из-за шума. Шум — точнее звуковые колебания — измеряется в децибелах. Нормальный разговор производит колебания в 40 децибел. Начиная с 80 децибел шум переносить мучительно. В Париже на перекрёстке улицы Ром у вокзала Сен-Лазар стрелка прибора, регистрирующего шум, указывает... 100 децибел. Парижская площадь Сент-Августина в пять часов вечера шумит сильнее, чем... Ниагарский водопад. Учёные многих стран мира, изучающие проблему шума, обеспокоены судьбой жителей крупных городов.

★
...Земля получает одну трехтысячную долю тепла не от Солнца, а от печей, машин, от техники? Техническое тепло пока отапливает только большие города. Но если количество производимого людьми тепла будет ежегодно возрастать на 10 процентов, то через 100 лет Земля получит столько же технического тепла, сколько сейчас получает солнечного.

КРОССВОРД

(Составил Саша Козлов, г. Сланцы)

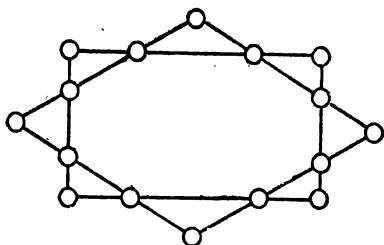

Все слова этого кроссворда из четырёх букв. Вписывать их нужно по часовой стрелке вокруг соответствующей цифры, начиная с отмеченной клетки.

1. Зимняя верхняя одежда.
2. Планета Солнечной системы.
3. Женское имя. 4. Непогода. 5. Меховая обувь. 6. Музыкальный знак.
7. Пушной зверь. 8. Двухколёсная повозка. 9. Минеральная краска.

ГОЛОВОЛОМКА

(Составил Сёма Пильдон)

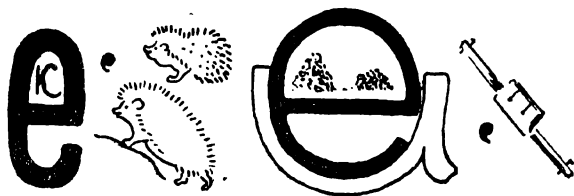

Расставьте в кружках числа от 1 до 16 так, чтобы сумма четырёх чисел на каждой прямой линии равнялась 34.

РЕБУС

(Составил Женя Бадов, г. Выборг)

В этом ребусе зашифрована пословица. Можете вы её прочесть?

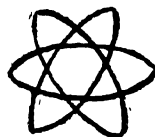

Отдел ведёт В. Акентьев

РЕБУС-ШУТКА

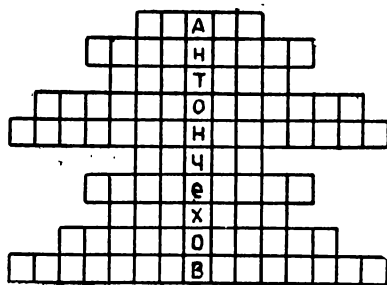
(Составила Валя Фёдорова, г. Бокситогорск)

В этом ребусе зашифровано какое-то слово... Как вы думаете — какое?

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАДАЧА

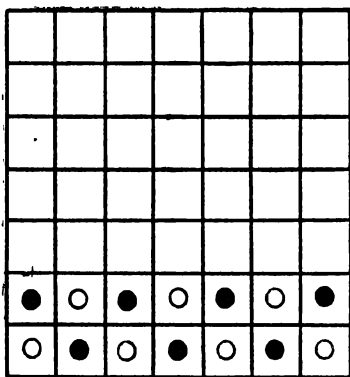
(Составил Ваня Карлов)

Вспомните названия десяти произведений Антона Павловича Чехова и впишите их в свободные клетки горизонтальных рядов, но так, однако, чтобы уже вписанные буквы соответственно вошли в найденные вами слова.

ЗАДАЧА С ШАШКАМИ

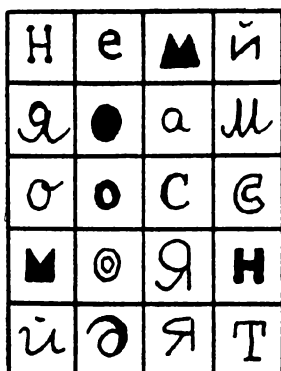
(Прислал Павел Штепан,
70-я школа)

Разместить 7 белых и 7 чёрных шашек в клетках приведённого квадрата так, чтобы в каждом горизонтальном ряду, в каждом вертикальном и в каждой диагонали были две шашки разного цвета.

ХОДОМ КОНЯ

(Составила Лидя Позняк,
222-я школа)

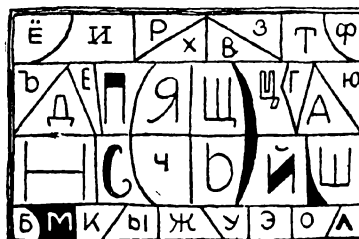

Начиная с клетки, лежащей в левом верхнем углу фигуры, обойдите ходом шахматного коня все клетки, но так, чтобы прочесть при этом загадку.

Загадку, конечно, тоже нужно разгадать...

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫ ЛИ ВЫ?..

(Прислал Миша Неквас)

На рисунке можно найти все буквы азбуки — от «А» до «Я»...

Проследите по часам, сколько времени затратите вы на решение этой задачи — отыскание всех букв по порядку алфавита.

Предложите сделать это вашим друзьям. Можно даже устроить соревнование — кто быстрее...

Проверь себя

(Ответы и «Искорне» № 10)

КРОССЧАЙНВОРД

1. Ракета. 2. Анаконда. 3. Арифметика. 4. Актёр. 5. Реторта. 6. Азия. 7. Ястреб. 8. Бархат. 9. Теплоход. 10. Дюжина. 11. Аметист. 12. Торпеда. 13. Амур. 14. Резина. 15. Ангар.

ЦЕПОЧКА

Мука, каре, река, кабан, банка, кара, раса, сани, ниша, шатёр, тёрка.

ОПЕРЫ ВЕРДИ

«Атилла», «Отелло», «Оберто», «Аида», «Фальстаф».

ХИТРЫЙ РЕБУС

Наковальня.

НА ДОСУТЕ

Токио — Киото.

СОДЕРЖАНИЕ

Будёновец. Стихотворение Сергея Макарова	1
Комедант Зимнего. Очерк Э. Корольчук	2
Куда торопится река. Поэма Василия Фетисова	9
Чудо. Рассказ Семёна Ласкина	12
Мальчишки. Золотые рыбки. Стихи Олега Шестинского	22
Харка — сын вожда. Продолжение романа Лизелотты Вельскопф-Генрих	24
Литуаника. Рассказ Николая Внукова	40
Предки авторучки. Статья А. Кириченко	50
Я рисую. Стихотворение Вячеслава Кузнецова	52
Литературный глобус	53
Несколько улыбок	57
Пёстрые заметки	60
Клуб смекалистых ребят	62

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Сердюкова «В городе праздник».

На 2-й странице обложки скульптурная группа «Октябрь» работы Р. К. Таурит и В. В. Исаевой.

• На 3-й странице обложки фоторепортаж Г. Сафонова «РВС в пути».

На 4-й странице обложки рисунок-загадка художника Г. Ясинского.

И. о. редактора Г. Ф. ПЕТРОВ

Адрес редакции: Ленинград, Д-23. Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 20/IX 1966 г. Подписано к печати 27/X 1966 г. 4 печ. л.
 М-11967 Заказ № 1425. Формат бумаги 70 × 108³/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 67 000

Типография имени Володарского Лениздата, Ленинград, Фонтанка, 57

Р В С в П У Т И

(Текст читайте на 59-й странице)

НА КАРТИНКИ ПОСМОТРИ: ПРИГЛЯДИСЬ ВНИМАТЕЛЬНО-
В НИХ РАЗЛИЧИЙ-ТРИДЦАТЬ ТРИ! ОТЫЩЕШЬ ОБЯЗАТЕЛЬНО!